Просто дыши. Ковчег из хлама

Валентин Гадяцкий

Валентин Гадяцкий

Просто дыши. Ковчег из хлама

«Автор»
2026

Гадяцкий В. И.

Просто дыши. Ковчег из хлама / В. И. Гадяцкий — «Автор», 2026

«Я записываю эти строки, чтобы кто-то знал правду. Не ту, что транслируют сейчас через помехи радиоволн, а настоящую историю катастрофы. Мы думали, что управляем миром, когда копали вглубь мантии. Но Земля всегда была живым существом, и она проснулась...».Когда корпорация Эдельгард начала бурить Землю в поисках бессмертия, никто не думал об ответственности. Никто не слышал шёпот древних бактерий, спящих в недрах планеты. А когда они проснулись, было уже слишком поздно. Желая скрыть свою ошибку, Эдельгард решил стереть ее с лица Земли. Но они просчитались. Ядерные и термобарические удары стерли города с лица земли, превратив их в чёрные язвы. Те, кого миновала смерть, столкнулись с худшим: мутацией. Мир разделился на тех, кто выжил, и тех, кто стал оружием против человечества.

© Гадяцкий В. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 22
Глава 4 29
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Валентин Гадяцкий
Просто дыши. Ковчег из хлама

Глава 1

Глава 1

День тянулся лениво, как остывающий сироп. За окном — обычный понедельник: двор с вытоптанными тропинками, детская площадка с облупившейся краской, припаркованные машины, будто застывшие в неловкой позе. В квартире пахло жареной картошкой и чем-то ещё, почти неуловимым — запахом дома, который замечаешь, только когда он исчезает.

На кухне Наталья расставляла тарелки, будто это был не ужин, а ритуал, где каждая деталь имела значение. Тарелка для Валентина — чуть глубже, потому что он любил, когда в супе много бульона. Тарелка для Вики — с тонкой синей каймой, её любимая, из старого сервиза, который достался от бабушки. Для Леры — маленькая, с нарисованным единорогом, который уже почти стёрся от частых моек.

— Зая, поставь чайник, — сказала Наталья, не оборачиваясь. Она знала: Валентин стоит в дверном проёме, смотрит, как она двигается по кухне, и в этом взгляде — не просто внимание, а инженерная оценка: траектория, скорость, баланс. Для него даже нарезка хлеба была задачей на оптимизацию.

Валентин хмыкнул, подошёл к электрическому чайнику, щёлкнул кнопкой. Тихий гул заполнил паузу. Он посмотрел на Pebble Steel на правой руке, на экране высветилось: понедельник, 31 августа, 17:16.

— Сегодня в городе дикие пробки, — сказал он, будто оправдываясь за то, что вернулся позже обычного. — Я через дворы ехал, всё равно полчаса потерял. Там какой-то фургон встал поперёк проезда, все сигналят, никто не двигается.

Наталья кивнула, не перебивая. Она умела слушать между строк: «Я пришёл. Я здесь. Всё в порядке». Этого было достаточно.

Из комнаты донёсся звук — не громкий, но отчётливый: Вика щёлкнула крышкой ноутбука, потом что-то пробормотала себе под нос. Наталья улыбнулась краем губ. Вика в свои двенадцать жила в режиме вечного дедлайна: олимпиады, конспекты, списки литературы, формулы, которые она выписывала на стикеры и расклеивала по стенам. Для неё мир делился на задачи с известными и неизвестными переменными.

— Вика, ужинать! — крикнула Наталья.

— Сейчас! — голос Вики звучал так, будто она решала уравнение, и ответ вот-вот должен был появиться.

Лера вылезла из-под стола, достроив башню из кубиков. Перед ней лежал тряпичный заяц с пришитым ухом — то самое ухо отец пришивал трижды, и каждый раз шов получался чуть кривее предыдущего, но Лера не замечала.

— Лерунь, иди сюда, суп остынет, — позвал Валентин, присаживаясь на корточки рядом с ней.

Лера подняла голову. Глаза у неё были большие, тёмно-карие, почти чёрные, и в них всегда было что-то, чего Валентин не мог понять. Она смотрела не на него, а сквозь него, будто видела не человека, а его тень на стене, или вибрацию воздуха, или что-то ещё, недоступное обычному зрению.

— Пап, там шумно, — прошептала Лера, не сводя глаз с окна. — Не как машины. А как будто земля дышит.

Валентин замер. Он привык доверять её ощущениям, даже если не мог их объяснить. Лера с раннего детства замечала то, что другие пропускали: сквозняк там, где его быть не должно, едва уловимый запах гари за три квартала, дрожь пола перед тем, как в подъезде меняли лифт.

— Шумно это как? — спросил он мягко, стараясь не напугать.

— Как будто кто-то очень большой идёт по улице. И земля дрожит.

Наталья вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. Услышала, нахмурилась, но голос остался ровным:

— Может, опять ремонт? Или трамвай пустили по новому маршруту?

Лера покачала головой.

— Не трамвай. Трамвай звенит. А это… тяжёлое.

— Пап, я закончила учить, можно я включу телевизор и посмотрю сериал? — попросила Вика. — Это мировая премьера «Купола Небесного», она уже идёт!

— Давай, — кивнул Валентин.

Телевизор загорелся сразу — и вместо сериала на экране появилась заставка: логотип корпорации «Эдельгард» и бегущая строка, из которой все прочитали «Режим повышенной готовности. Не покидайте зданий. Все службы работают в штатном режиме. Корпорация «Эдельгард» гарантирует вашу безопасность».

— Выключай, — Валентин встал. — Всем собраться. Быстрее, быстрее. Вика, бери вещи и документы. Наташа, собирай еду. В темпе, в темпе.

— Ты обещал, что мы посмотрим сериал!

— Почему всегда?! Я зубрила эти логарифмы весь день! Я имею право на небольшую перемену?!

Крик вышел ломаным и на редкость громким — Валентин сразу понял, что перед ним не истерика. Психика хваталась за единственное знакомое — за испорченный выходной, за логарифмы, зазубренные весь день, за «небольшую перемену», которую она себе заслужила. Так проще. Так безопаснее, чем смотреть на правду — на привычный мир, который только что начал умирать. Валентин подошёл к дочери. Он был выше её на голову; он не кричал в ответ — только взял её лицо в свои грубые ладони и заставил смотреть себе в глаза.

— Посмотри на меня, Вика. Сейчас уравнение простое, и переменная в нём одна: выживание. Выход в школу отложен на неопределённый срок. Собери свой рюкзак. Возьми паспорта и остальные документы. Все телефоны, пауэрбанк и зарядку положи себе во внутренний карман рюкзака.

Он отпустил её — и Вика замерла. Это оказалось страшнее любого крика: отец забрал у неё право на истерику, переведя всё в плоскость сухих фактов. Ей можно было плакать — но невозможно было не подчиниться. Мир перестал быть справедливым, и от этого в груди было пусто и звенело.

Телефон в её руке не переставал крутить кружок загрузки. Соцсети не грузились. Кружок крутился, крутился, крутился — и ничего не происходило. Ничего вообще.

Валентин подошёл, взял у Вики телефон, быстро глянул на экран. Его лицо стало таким, каким бывало, когда он смотрел на треснувшую балку или задачу, которую другим решить не под силу: сосредоточенным, холодным, будто эмоции он убрал в отдельный ящик, чтобы не мешали работать.

— Сеть упала, — пробормотал он. — Электромагнитный импульс? Или просто перегруз?

Наталья стояла неподвижно, но в её глазах уже крутились шестерёнки расчётов: что взять, кого держать за руку, куда идти, сколько шагов до лестницы.

— Лера, иди к маме, — тихо сказал Валентин. — Вика, телефон не выключай. Если связь проскочит — запиши всё, что скажут. Даже если это будет несколько слов.

Вика кивнула, пальцы снова забегали по экрану, но теперь уже не в поисках новостей, а в попытке поймать хоть один живой байт информации.

А потом мир сделал паузу.

На секунду всё замерло: звук, движение, даже воздух будто стал гуще. И в этой паузе — вспышка. Не яркая, не ослепляющая, а странная, неестественно белая, будто кто-то выкрутил контраст до предела. Она ударила по окнам, по стенам, по глазам, и тут же исчезла, оставив после себя ощущение, что реальность на мгновение треснула.

— Мама, мама, он нас ударит, сильно ударит.

— Кто? — в один голос спросили родители.

— Воздух, — ответила Лера.

Через две минуты пришёл звук.

Не взрыв, не грохот, а низкий, тяжёлый гул, который не шёл откуда-то снаружи, а рождался прямо внутри груди. Он прокатился по дому, как волна по воде, и затих, но не до конца — остался эхом где-то в перекрытиях, в трубах, в стенах.

Квартира дрогнула. Сильно, ощутимо — как будто зданию кто-то дал сильный подзатыльник. Окна в соседней комнате — детской спальне выбило с ужасным, режущим слух звоном. На мгновение всё затихло — как будто время остановилось. С полки на кухне упала чашка и разбилась с тихим хлопком, который прозвучал слишком громко в наступившей тишине.

«Как удачно, что семья собралась в зале у телевизора, — подумал Валентин. — Ударная волна пришла с северо-востока. В эту сторону из их квартиры выходило только одно окно — из детской спальни». Лера закрыла уши ладонями и тихо застонала.

— Больно, — прошептала она. — Очень громко внутри.

Наталья подхватила её на руки, прижала к себе, будто могла закрыть от всего мира.

— Тихо, тихо, моя хорошая, — шептала она, качая дочь, как в младенчестве. — Сейчас пройдёт. Сейчас всё будет тихо.

Но тишина не приходила. Вместо неё — новый звук: далёкий, нарастающий вой сирен. Сначала один, потом второй, третий, и вот уже город наполнялся этим воем, как будто сам воздух кричал.

Вика стояла у окна.

— Там… там небо, — сказала она, и голос её звучал чужим, плоским, как запись с помехами. — Оно не такое. Как будто его покрасили в другой цвет.

Валентин подошёл к окну, осторожно, будто боялся, что кто-то увидит. И посмотрел на небо.

Небо над Саратовом меняло цвет. Не плавно, не как на закате, а резко, будто кто-то стёр голубизну и нанёс поверх неё слой густой ржавчины. Горизонт стал грязно-оранжевым, и по этому цвету ползли чёрные полосы, похожие на дым, но слишком ровные, слишком правильные, чтобы быть просто дымом.

Где-то внизу, во дворе, закричали. Потом хлопнула дверь. Потом ещё одна. И ещё. Дом просыпался, но не к обычной жизни, а к чему-то другому, чему не было названия.

Валентин резко обернулся.

— Нам нужно уходить, — сказал он, и в его голосе не было ни паники, ни сомнений — только чёткость, как в инструкции. — Сейчас. Не через лифт. Лестницей. И не просто вниз, а в укрытие. Наш подвал — не вариант: был удар, могло повредить газовую трубу в подвале — это ловушка. Нужно бетонное укрытие. Кирпич и монолит бетона. Они держат.

Он повернулся к жене.

— Наташа, помнишь, месяц назад я рассказывал тебе про дом в самом конце улицы? Дом, который нам подойдёт. Там сейчас никого нет, идёт ремонт. Там здание как крепость: три этажа плюс глубокий подвал, кирпичные стены в полметра толщиной, монолитное подвальное

перекрытие — кирпичные своды по стальным балкам. — Он обвёл взглядом семью. — Все слышали? Вика, ты знаешь, где это?

— Да, конечно!

Наталья посмотрела на мужа, и в её взгляде он прочитал всё: страх, доверие, готовность. Она не стала спрашивать «почему». Она просто кивнула.

— Что берём? — спросила она, уже двигаясь к шкафу.

— Аптечку. Фонарь. Воду. Еду. Тёплые вещи. И… — он запнулся, глядя на Леру, которая всё ещё прижималась к матери, зажмурив глаза. — И её зайца.

Лера не просила. Она просто вцепилась в зайца, как в якорь.

Вика всё ещё стояла у окна, будто не могла оторваться от этого странного неба.

— Я не понимаю, — прошептала она. — Это война? Это ядерный удар? Где учебник? Где параграф, где написано, что делать?

Наталья подошла к ней, взяла за плечи, отвела от окна, повернула к себе.

— Учебника нет, — сказала она твёрдо, но мягко. — Но есть мы. Теперь мы знаем, куда идти. Я знаю, что взять. Ты знаешь, как считать. Лера знает, где опасно. Мы — наш собственный учебник. Иди сюда. Держи Леру за руку. Ты мне нужна.

Вика моргнула, будто вернулась из другого мира. Кивнула. Взяла Леру за руку. Пальцы у неё были холодные, но хватка — крепкая.

Валентин уже надевал куртку, проверял карманы: ключи, фонарь, зажигалка Zippo, мультитул, фомка — титановая, новая, что друзья подарили в шутку на день рождения.

— Готовы? — спросил он, стоя у двери.

Они кивнули. Не все сразу, не хором, а по очереди: Наталья, Вика, Лера (тихо, не открывая глаз).

— Проверю лестничную клетку, — сказал Валентин у двери. — Закройте за мной на цепочку. Никому не открывать. Рюкзаки держите при себе.

Он вышел в подъезд, и дверь закрылась. Щёлкнула цепочка — и в квартире сразу стало на одного человека тише.

Наталья притянула к себе обеих дочерей и зарылась лицом в их волосы. Пахло гарью, пылью и страхом — запахом, которого ещё час назад не было ни в одном доме. Она гладила девочек по спинам — и совершила самый иррациональный поступок в рухнувшем мире: зашептала им колыбельную. Ту самую, что пела им в младенчестве. Тихо, монотонно, задавая ритм сердцу посреди мёртвой тишины квартиры, замершей в ужасе.

Глава 2

Глава 2

Валентин вернулся через четыре минуты. Наталья считала каждую секунду — эти несколько минут показались ей вечностью. Ручка двери повернулась — и дверь упёрлась в цепочку. Наталья бросилась отпирать, но голос из щели шириной в ладонь догнал её раньше, чем щёлкнул замок:

— Это я. Лестница держится, — Валентин говорил тихо, но так, чтобы слышали все. — Перекрытие между пятым и четвёртым пошло трещиной, лестничный марш оторвало от стены на два пальца. Но несущая арматура цела. Пока.

Он стоял в проёме, и за его спиной — мрак подъезда. Аварийного освещения не было, и только полоска света из квартиры выхватывала из темноты кусок бетонной стены с отвалившейся плиткой.

— Соседи? — спросила Наталья, не поднимая глаз от Леры, которая лежала у неё на коленях, свернувшись клубком.

— Серёга с третьего этажа. С женой. Не понимают, что происходит. Сидят у окна, смотрят на пожар. — Он сделал паузу. — На седьмом — никого. Двери открыты настежь. Квартиры пустые. Лифт встал между пятым и шестым. Шахта, наверное, перекосилась.

Вика стояла за материнской спиной и молчала. За последние десять минут она прожила целую вереницу эмоций: обиду, ужас, растерянность и — сейчас — нечто, не имеющее названия. Что-то между ясностью и пустотой.

Она сжимала в руках смартфон с разбитым экраном. Телефон погас после того, как дом тряхнуло. Последнее, что она увидела, — заголовок новостей, бегущий по экрану: «Обмен ядерными ударами… Президент эвакуирован… Общая мобилизация…» — и это всё на фоне логотипа «Эдельгард». Дальше — мёртвый чёрный прямоугольник.

— Ядерный удар? А как же радиация? Нам нужен хотя бы йодид калия, — сказала Наталья.

— Точно, радиация, — Вика вдруг вспыхнула, будто в голове щёлкнул тумблер. — Нам перед выходом на каникулы на уроках ОБЖ показывали, объясняли, как пользоваться средствами от радиации. В классе должны остаться аптечки: АИ-2, АИ-4. Как я могла забыть? Там и ОЗК — двенадцать комплектов. Был урок — когда у нас половина класса потела в них, бегала, мальчишки были довольны. Там могут быть и автоматы, правда, списанные, нам учитель Евгений Борисович объяснял, что их переделали и они не могут стрелять.

— Но у нас может быть очень мало времени. От вспышки до ударной волны прошло, сколько? Минуты две-три? — Вика задумалась, подняв глаза к потолку. — Скажем, две минуты — беру с запасом, точно никто не считал. Сто двадцать секунд. А звук идёт километр за три секунды. Значит, взрыв был примерно в сорока километрах от нас. Примерная скорость ветра — пятьдесят километров в час. Делим сорок на пятьдесят, получаем ноль целых восемь десятых часа, плюс час на формирование и выпадение крупных частиц. Папа, при среднем раскладе у нас было примерно один час пятьдесят минут, это при условии, что ветер не сильно дует в нашу сторону.

— Викуля, ты молодец, — Валентин впервые за вечер улыбнулся — криво, одним уголком рта.

Валентин понимал: если они все вместе пойдут в убежище через школу, то могут не успеть до выпадения ядерных осадков. Он принял тяжёлое решение — разделиться. Знал, что делать это опасно в такой ситуации, когда вокруг паника, страх и неизвестность. И что будет дальше? Могут быть ещё взрывы — и, скорее всего, не только здесь: если по нам ударили ядер-

ным оружием, то и в обратную сторону ответили. Возможно, это конец человечества. Может быть, новых ядерных ударов и не будет, но могут бить и обычными ракетами, продолжать обстрел. Разделяться опасно, но без аптечек и ОЗК будет тяжело пережить хотя бы первые сутки.

— Фонарь, — сказал Валентин, щёлкая кнопкой. Тонкий луч света высек из подъездной темноты ступеньки, перила, угол стены.

Они вышли. Дверь за ними закрылась с тихим щелчком, который прозвучал как финальная точка.

С нижних этажей доносились голоса, крики, топот. Кто-то бежал, кто-то звал кого-то, кто-то плакал. Дом жил, но уже по другим законам.

— Держитесь ближе ко мне, — сказал Валентин. — Ступайте туда, куда я свечу. Не смотрите по сторонам. Только вперёд.

И они пошли. Четверо. Семья. Не группа людей, а единый механизм, который вдруг заработал на предельной мощности, используя все свои детали: инженерную точность Валентина, хозяйскую собранность Натальи, аналитический ум Вики и странную, почти звериную чуткость Леры.

На площадке пятого этажа они остановились. Валентин приложил ладонь к стене, потом к полу.

— Перекрытие трещит, — прошептал он. — Ещё один такой толчок — и лестничный марш может обвалиться. Надо поспешить. Но тише.

Лера вдруг подняла голову, посмотрела в темноту лестничной площадки, будто увидела там что-то невидимое остальным.

— Там человек, — сказала она тихо. — Он злой. И пьяный. Не надо туда.

Валентин кивнул. Он не спрашивал, откуда она знает. Он просто принял это как факт, как показания датчика.

— Проходим, — сказал он. — Держимся ближе к перилам.

Они пошли дальше, шаг за шагом, луч фонаря выхватывал из темноты то ступеньку, то угол, то чью-то забытую сумку, лежащую на площадке. Мир сжимался до размера светового пятна, и в этом пятне было всё, что имело значение: руки, дыхание, шаги, тепло друг друга.

Когда они наконец вышли из подъезда, город встретил их не тишиной, а гулом — низким, тяжёлым, как сердцебиение огромного раненого зверя. Небо было ржавым, дым стелился по дорогам, и где-то далеко, на северо-восточной окраине, поднимался гриб ядерного взрыва, который тянулся вверх, будто хотел дотянуться до неба, каким оно было раньше.

Валентин остановился, огляделся, быстро прикинул маршрут.

— Через дворы, — сказал он. — Выезд из города — это смерть. Все туда побегут. А нам нужно туда, где тихо. Где кирпич держит.

Он посмотрел на семью. На их лица, покрытые пылью. И впервые за весь этот вечер в его глазах мелькнуло что-то, похожее на страх. Но не за себя. За них.

— Разделяемся, — сказал он. — Мы знаем, куда.

И они двинулись. Сквозь дым, сквозь гул, сквозь исчезающий день, туда, где кирпичные стены обещали хоть немного защиты в мире, который только что перестал быть безопасным.

Когда силуэты Натальи и девочек скрылись за углом кирпичной девятиэтажки, Валентин не позволил себе обернуться второй раз. Тяжёлый взгляд, ком в горле и сжатие в груди он механически перевёл в мышечный тонус: плечи расправились, челюсть сжалась. Инженер внутри него взял верх над отцом. Он быстро прогнал в голове чек-лист:

Семья: вектор движения задан, маршрут известен, Наталья — стабилизатор.

Угрозы: ударная волна прошла, но впереди радиация и паника толпы.

Ресурс времени: по расчётам Вики, у них есть около полутора часов до начала выпадения крупных радиоактивных осадков. Каждая секунда сейчас стоит суток жизни потом. И он

побежал. Не спринтом, а экономичным, тяжёлым бегом человека, который привык носить на плече лестницы, инструменты и тяжёлые материалы. Ровно в противоположную сторону от дома-укрытия.

Двести метров по прямой — это расстояние занимало меньше минуты лёгкого бега. На выжженной улице Саратова оно превратилось в полосу препятствий.

Люди бежали с верхних улиц навстречу ему. Это была не организованная эвакуация, а броуновское движение ужаса. Валентин перестал воспринимать их как людей; для его мозга они стали «подвижными препятствиями с непредсказуемой траекторией». Он двигался зигзагом, используя малейшие бреши в толпе, отталкиваясь плечом от тех, кто не реагировал на окрик «С дороги!».

К вою сирен добавился новый звук — скрежет рвущегося металла и звон разбитого стекла, которые не затихали ни на секунду.

Изменился и запах: из воздуха исчезла вечерняя прохлада. Теперь пахло горелым пластиком, резиной, раскрошенным кирпичом и чем-то сладковато-металлическим, запахом крови и озона после грозы, только в десятки раз сильнее.

Прямо посреди дороги, перегораживая тротуар и всю проезжую часть от садика до основной дороги, замерли машины соседей, пытающихся выехать с парковки. Седан въехал под грузовик, искорежив кабину. Рядом старая «Лада» вылетела на бордюр, подмяв мотоциклиста, пытавшегося проскочить. Валентин перепрыгнул через капот автомобиля и побежал дальше вдоль забора детского сада, протискиваясь через бредущую в панике толпу раненых людей.

Те, кто мог бежать, уже убежали далеко вперёд. Здесь остались те, кого физика удара застала врасплох.

Мужчина в офисном костюме сидел прямо на асфальте, монотонно раскачиваясь и глядя на свои ладони, покрытые сажей. Валентин прошёл сквозь него, как сквозь столб — этот человек уже выпал из уравнения спасения.

Женщина кричала что-то неразборчиво, держась за лицо. Между пальцами текло густое и чёрное. Валентин отметил краем глаза: проникающее осколочное, повреждены мягкие ткани, артериальной пульсации нет — помощь не нужна.

Подросток лет пятнадцати пытался перевернуть лежащего навзничь мужчину. Валентин на ходу оценил массу: не поднять одному. Он крикнул подростку: «Беги! Его не поднять, спасай себя!». Парень посмотрел на Валентина полными ужаса глазами, схватил свою сумку и растворился в дыму.

Школьный двор встретил его праздничным оплавившимся плакатом над входом: «С НОВЫМ УЧЕБНЫМ 2015 ГОДОМ». Массивное здание с выбитыми окнами смотрело на Валентина чёрными, внушающими страх глазами. Широкие окна первого этажа были выбиты взрывной волной, но толстые кирпичные стены стояли ровно, без трещин. Расчёты подтверждались визуально. Главная дверь центрального входа была из стеклопакетов, которые лежали внутри.

В школе пахло пылью, мелом и тревожной пустотой. Коридор тонул в полумраке. Валентин достал фонарь. Луч света выхватил турникет охраны, перевёрнутый стенд «Гордость школы» и распахнутые настежь двери классов. В этот день школа была мертва.

Коридор второго этажа, соединяющий два крыла у актового зала, утонул в темноте. Никого. Только сквозняк гонял по линолеуму обронённый листок.

В самом конце коридора из приоткрытой двери актового зала падала узкая полоса тусклого уличного света. И прямо в этой полосе стоял чёрный непонятный силуэт.

Валентин замер, вслушиваясь в давящую тишину. Сделал шаг. Куча не шевелилась. Он уже почти убедил себя, что это просто сваленные уборщицей старые шторы или забытый муляж для уроков анатомии.

Фомка вошла в щель между дверью кабинета ОБЖ и косяком. Два коротких, точных движения — язычок английского замка хрустнул. За спиной, в той самой полоске мертвенно-бледного света, раздался звук. Не шорох ткани и не скрип дерева. Смачный, влажный, похожий на шлепок босой ноги о линолеум.

Валентин резко обернулся через плечо. Полоска света была пуста. Дверь актового зала медленно качнулась на сквозняке, словно кто-то только что проскользнул внутрь, задев её плечом. Внутри стоял озон и сладковатый запах тления.

Показалось, — отрезал он, поворачиваясь обратно к двери. Просто ветер. Старые шторы. Но пальцы, сжимающие фомку, внезапно стали ледяными.

Луч фонаря скользнул по партам, сдвинутым от окна к стене. К первому сентября в этом кабинете не успели поменять занавески.

Противогазы были уложены в зелёном металлическом шкафу в дальнем конце класса. Рядом — шкаф-сейф для средств защиты. Валентин подошёл к нему, дёрнул ручку. Заперто. Он посветил вниз. Замочная скважина. Стандартный почтовый замок.

— Слишком просто, — пробормотал он, доставая из кармана мультитул.

Мультитул привычно лёг в руку. Логотип «Эдельгард» поблёскивал в свете фонаря. Валентин хмыкнул про себя: когда Наталья дарила его, он слегка подшутил над «корпоративным шиком». «Зачем мне бренд, если мне нужен инструмент?» — говорил он. А она только улыбнулась:

— Потому что у них стандарты выше, чем у обычных заводов.

Тогда он не задумывался, что за этим логотипом — целая параллельная инфраструктура: свои военные, своя полиция, свои медики. Казалось, что это просто ещё одна большая компания, которая хочет быть везде.

Сейчас, когда замок щёлкал под тонкой отвёрткой, он впервые был благодарен этой «вездесущности». Качество, выверенное до миллиметра. Металл, который не крошится. И гравировка, которая не стирается.

Дужка отошла. Валентин убрал мультитул и на секунду замер, прислушиваясь к тишине коридора. Теперь он понимал: иногда «просто подарок» оказывается самым точным расчётом.

Внутри шкафа, уложенные плотными рядами, лежали индивидуальные аптечки АИ-2 (две штуки) и новые АИ-4 (три штуки) в промасленной бумаге, стопки респираторов и двенадцать комплектов ОЗК — тяжёлых прорезиненных костюмов, сложенных так идеально, словно Евгений Борисович очень переживал за них. Рядом, завёрнутые в брезент, стояли учебные автоматы АКМ — макеты со спиленными бойками, но Валентину сейчас нужны были не пули, а ремни, пряжки и прочная сталь. Он начал выгребать содержимое, рассовывая тяжёлую резину и пластик по двум найденным здесь же вещмешкам.

Отобрал четыре комплекта ОЗК — по два в каждый вещмешок, на себя, Наталью и девочек. Рядом из того же шкафа достал четыре противогаза — два взрослых ГП-7 и два детских ПДФ-2, школьный запас. Остальные восемь комплектов потащить не смог бы никто.

Он подхватил вещмешки и сразу оценил вес: плотная резина ОЗК тянула вниз, как мокрый бетон. «Тяжело, но не в такой ситуации», — пробормотал он, застёгивая пряжку. Аптечки он рассовал по карманам, чтобы они не гремели. Каждый звук сейчас был риском.

За окном кабинета, выходящим во внутренний двор, небо стало ещё темнее. Время, которое подарила им Вика своим хладнокровным расчётом, начало стремительно таять.

Валентин взглянул на часы. Экран привычно загорелся: 17:55.

— Они уже должны быть на месте, — пробормотал Валентин. — Пожалуйста, будьте там.

Путь Натальи, Вики и Леры

Как только кирпичная девятиэтажка скрыла Валентина из виду, Наталья механически перехватила руку Леры повыше — за запястье, а не за ладонь, чтобы ребёнок не вырвался в панике.

Картина, открывшаяся им на перекрёстке, заставила её замереть на полсекунды. Это была классическая «мёртвая пробка», но с поправкой на конец света. Пять полос асфальта превратились в кладбище искорёженного металла. Машины стояли под невозможными углами: одна легковушка въехала под бампер фуры, перегородив тротуар; автобус лежал на боку.

Между дорогами когда-то был островок безопасности, но трава на нём почернела и дымилась от жара вспышки. Линия электропередач, разделявшая потоки, частично оборвалась. Провода змеями лежали на чернеющей траве. Воздух пах озоном и жжёной изоляцией.

На противоположной стороне дороги зиял чернотой разбитых витрин продуктовый магазин. Оттуда доносился гул — там хозяйничала толпа. Люди, потерявшие человеческий облик, тащили ящики с консервами прямо по стеклам, дрались у касс, вырывая друг у друга бутылки с водой. Приближаться к ним было равносильно самоубийству.

Наталья оценила геометрию пространства. Идти вдоль магазина нельзя — мародёры выплеснутся на дорогу. Выходить на проезжую часть опасно — машины стоят плотно.

— Идём через кольцо, а дальше между домами, — тихо сказала она девочкам. — Держим частный сектор справа и девятиэтажки слева. Там мёртвая зона, туда никто не полезет.

Это был самый опасный путь. Частный сектор горел — огонь поглощал старые деревянные заборы, дачные домики во дворах. С другой стороны нависали серые панели девятиэтажек, готовые сложиться как карточный домик после прихода ударной волны. Но именно этот узкий коридор давал визуальное прикрытие.

Для Вики мир перестал быть набором обид и превратился в систему координат. Она шла чуть впереди матери, сканируя пространство взглядом аналитика.

Список рисков звучал в голове сам. Канализационные люки: ударная волна могла сорвать крышки — наступишь, и провалишься в кипяток или ловушку из мусора, битого кирпича и арматуры. Мародёры: угол обзора ограничен дымом.

Лера физически страдала от этого перехода. Для неё дорога была не препятствием, а живым организмом, который корчился в агонии.

Каждый треск сгоревшего дерева в частном секторе отдавался у неё в зубах острой болью.

Запах гари царапал нёбо.

Когда они проходили мимо перевёрнутого автобуса, Лера вдруг резко дёрнула мать назад. Из выхлопной трубы автобуса вытекало топливо, пропитывая землю. Девочка почувствовала это химическое изменение почвы кожей ещё до того, как запах бензина долетел до носа Натальи.

— Там дышать больно, — прошептала она, указывая на чёрный ручеёк.

Они обошли его по большой дуге, ступая прямо по горячим углям сгоревшей травы.

Старые саратовские дачи пылали сильно и быстро. Заборы из штакетника превратились в сплошную стену огня. Жар опалил лица. Вика натянула ворот водолазки на нос, защищая лёгкие. Наталья закашлялась, глаза начали слезиться.

— Нагнитесь! — скомандовала Вика. — Дым поднимается вверх. Закройте рот тканью.

Они шли пригнувшись, почти бегом. Справа ревело пламя, слева угрожающе скрипели балконы панельных домов — некоторые бетонные плиты облицовки уже оторвались и висели на арматуре, готовясь рухнуть вниз. В какой-то момент из-за угла горящего дома выскочила собака. Дворняга с обгоревшей шерстью — с одной стороны обгоревшая сильнее; морду покрывала оплавленная корка, один глаз побелел. Она не лаяла — просто смотрела на них жёлтым глазом, и из пасти капала слюна. Животное сошло с ума от боли и страха. Вика инстинктивно заслонила собой Леру. Наталья подняла кусок арматуры. Лера дёрнула руку мамы:

— Мама, она страшная, но не тронет нас.

Рывок повторился — так сильно, что мать чуть не упала.

— Быстрее, бежим! — прокричала дочка, прижимая руку к виску.

Наталья не стала спорить. Она просто рванула детей в сторону, спотыкаясь о вспученную землю.

И тут сверху, с балкона панельного дома, сорвалась бетонная плита. Она рухнула с оглушительным грохотом ровно туда, где они стояли секунду назад. Пыль взметнулась стеной, забивая горло.

Вика, отряхнувшись, обернулась к Лере, и в её глазах мелькнуло что-то новое — не страх, а уважение к тому, что нельзя измерить линейкой.

Собака глухо зарычала, прижавшись к земле. Семья сделала шаг в сторону, обходя зверя по широкой дуге, и он остался сторожить своё пепелище.

Наталья взяла детей за руки и обернулась туда, откуда они пришли. Лера вцепилась в своего зайца.

— Мам, он знает, что делает. Он нас догонит, — сказала Вика. И они продолжили движение.

Когда они миновали последний горящий забор, шум толпы и треск пламени остались позади. Перед ними открылся пустырь — полоса развороченной земли шириной метров тридцать, отделяющая частный сектор от массива девятиэтажек. Земля здесь была вспучена. Воздух стал чище, хотя небо над головой оставалось цвета запекшейся крови.

— Почти пришли, — выдохнула Наталья, переводя дух. Лёгкие горели, руки дрожали от адреналина, но мозг фиксировал главное: девочки целы. Вика посмотрела на механические часы, подаренные ей за победу в олимпиаде (стекло покрылось сеткой трещин, но часы работали).

— Семнадцать минут, — констатировала она. — Средняя скорость — три километра в час с учётом препятствий. Мы укладываемся в запас.

Впереди возвышался массив трёхэтажного кирпичного дома. Его стены, покрытые копотью, казались единственным внушающим уверенность объектом в этом умирающем мире. Он стоял, как стена бастиона, — и обещал защиту своими полуметровыми стенами.

Наталья обняла детей.

— Мы пришли, мы на месте.

Обратный путь

Валентин застегнул последний вещмешок и глянул на часы. От вспышки прошло чуть больше получаса. Небо за окном кабинета ОБЖ стало цвета мокрого асфальта — не тёмного, а какого-то неправильно-серого, будто краска смешалась и не высохла. Времени оставалось всё меньше.

Он закинул оба вещмешка на плечи — левое привычно приняло тяжесть, правое просело, ремень врезался в ключицу. Автомат, завёрнутый в брезент, примотал к правому мешку ремнём, вытянутым из того же шкафа. Для человека, который знает, что искать, — очевидно. Для случайного — просто груз.

Фонарь выключил. Улица давала достаточно света — не солнечного, а больного, ржавого зарева, которое отражалось от стен и асфальта.

Выходя из школы, он снова уловил сладковатый запах — но теперь в нём проступила металлическая нотка, как на улице. Валентин стиснул зубы и прибавил шаг.

Школьный двор он пересёк быстро. На асфальте у забора лежал разбитый телефон с треснувшим экраном. Чей-то. Валентин не остановился.

Выйдя на улицу, он сразу увидел того подростка — пятнадцатилетнего, которому кричал «Беги!». Парень сидел у забора детского сада, прислонившись спиной к облезлому металлу. Сумка лежала рядом. Он не плакал, не звал на помощь — просто сидел и смотрел перед собой остекленевшим взглядом.

Дальше — мужчина в деловом костюме. Тот, который сидел на асфальте и раскачивался. Теперь он не качался. Он замер — сидя в той же позе, но положив лицо на руки, упёртые в колени. Не как живой человек, который затаился, а как манекен, которого поставили и забыли. Валентин не слышал дыхания мужчины, когда проходил рядом. Не слышал сердцебиения — а у живого человека на выдохе чуть вздрагивает грудная клетка. У этого — нет.

Валентин ускорил шаг.

Третий — тот, которого подросток пытался перевернуть. Неподъёмный мужчина. Тогда он лежал навзничь, раскинув руки. Теперь он лежал на боку, подтянув колени к груди, обхватив себя руками. Сжался в тугой клубок, как от острой, скручивающей боли. Пальцы, сжатые в кулаки, побелели — или посерели, в этом свете было не разобрать.

Валентин не стал рассматривать. Он отметил факт, привычно уложив его в ящик «на потом»: сейчас он не может им помочь.

Запах — общий знаменатель. Запах, который не был запахом горелого пластика или крови. Что-то другое.

Позже. Сейчас — семья.

Через минуту он вышел к дороге, которую несколько минут назад прошла Наталья с девочками.

Мёртвая пробка: одна легковушка съехала с тротуара и теперь лежала почти горизонтально, упёршись крышей в столб. Автобус, который обходила его семья, никуда не делся — лежал на боку, как дохлый кит, выброшенный на берег. Из выхлопной трубы всё ещё вытекало топливо — тонкая чёрная лента, ползущая по асфальту в сторону канализационного люка. Лера была права: здесь дышать больно. Запах бензина бил в ноздри.

Продуктовый магазин на противоположной стороне разграбили окончательно. Витрины — выбиты, внутри — разгром, но толпа схлынула. Двое или трое копошились внутри, но на улицу уже не выходили.

Частный сектор слева горел сильнее, чем когда здесь проходила Наталья. Жар чувствовался даже отсюда, в пятидесяти метрах. Дым поднялся выше, стелился по верхним этажам панельных девятиэтажек, превращая небо в грязно-жёлтую мглу.

«Наташа шла здесь с детьми», — подумал Валентин, и на секунду дыхание сбилось. Потом — восстановилось. Они прошли. Они на месте.

Не доходя метров пятнадцати до перевёрнутого автобуса, он услышал голоса.

Три мужских голоса — негромких, но не шёпотом. Разговор жёсткий, с паузами, какие бывают у людей, которые привыкли выслеживать, а не разговаривать.

Валентин замедлил шаг.

Трое. У автобуса. Двое — в камуфляже, не военном, а охотничьем. Третий — в тёмной куртке, ниже среднего роста, коренастый, с короткой шеей и руками, которые казались длиннее, чем должны быть. Главарь — это было видно по тому, как стоял: чуть впереди, чуть боком, так, чтобы видеть всё вокруг.

На поясе у одного — нож в ножнах. У второго — обрезок арматуры, обмотанный изолентой на конце, чтобы не скользила рука. У главаря — ничего. Но он и так был опаснее всех.

Валентин понял, что они заметили его раньше, чем он заметил их. Главарь смотрел в его сторону — не прямо, а чуть сбоку, как смотрят на добычу, которую не хотят спугнуть.

Валентин быстро прикинул варианты. Назад — нельзя. Время. Вперёд.

Он пошёл сбоку, не меняя темпа. Спокойно, ровно, как человек, который идёт по своим делам и не видит проблемы. Расчёт был прост: показать, что он не испугался, но и не ищет драки. Нейтралитет через язык тела.

— Эй, мужик! — окликнул главарь. — Стоять.

Валентин остановился в семи метрах от них. Между ним и автобусом — лужа разлитого топлива, тёмная, переливающаяся бензиновым блеском. Воздух над ней дрожал.

— Куда собрался? — главарь кивнул на вещмешки. — Тяжело тащишь.

— Домой, — сказал Валентин ровно. — Семья ждёт.

— Семья, — повторил главарь. — Это хорошо. Семья — это важно. — Он сплюнул. — А вот барахлишко у тебя — явно не для семьи. Автоматик у тебя там, что ли?

Двое других слегка сместились — в стороны и полушагом вперёд, как волки, заходящие с флангов.

— Учебный хлам, он мне нужен, — ответил Валентин. — Мне некогда.

Он сделал полшага в сторону, пытаясь обойти их по дуге, но тот, что с арматурой, протянул руку в сторону Валентина, будто инспектор ГАИ останавливает машину.

— Это мы решим, что тебе нужно, а что нет, — сказал главарь. — Стоять, я сказал. Стоять и не дёргаться. Рюкзаки снимай. Клади на землю. И автоматик разворачивай, покажи, что там.

Валентин не двинулся.

— Я сказал — мне некогда, — повторил он, и голос стал тише, что было хуже крика. — Давайте разойдёмся мирно. Обстановка не располагает к спорам, меня ждут. Не надо усложнять.

Главарь усмехнулся, не открывая рта.

— Мужик, ты один. Нас — трое. Ты тащишь два тяжёлых мешка и автомат. Мы — охотники, мы всю жизнь брали то, что хотели. Ты не торгуйся. Ты отдаёшь. Вопрос только — отдаёшь спокойно или после...

Тот, что с ножом, достал клинок. Не угрожающе, привычно. Как достают телефон из кармана.

Валентин не ответил. Он смотрел не на них. Он смотрел на бензиновую лужу между собой и автобусом. Топливо стекало из выхлопной трубы, растекалось по асфальту широкой полосой — к тому месту, где стояли мародёры. Их ботинки — тяжёлые, кожаные, с рифлёной подошвой — стояли в ней. Они не обращали на это внимания.

Левая рука — в кармане куртки. Большой и указательный пальцы нащупали зажигалку «Zippo», подаренную тестем лет десять назад, к которой он привык, как к ключам. Не курил — просто носил. Инструмент, который всегда может пригодиться.

Он рассчитал. Семь метров до них. Бензиновая лужа — от автобуса до их ног, сплошной дорожкой. Вспышка бензина на открытой поверхности — мгновенная. Пламя пойдёт по топливу, как по фитилю. Они не успеют отскочить. Загорится обувь, штаны, куртки — синтетика вспыхнёт мгновенно.

А потом пламя дойдёт до бака.

— Ладно, — сказал Валентин. — Берите.

Он стянул лямки, опустил вещмешок на землю. Правый — с автоматом — придержал.

Главарь кивнул.

— Вот так. И второй.

Валентин опустил второй мешок, отвязал автомат. Выпрямился.

— Всё? — спросил он.

— Автоматик, — сказал главарь и протянул руку. — Давай.

Валентин протянул автомат одной рукой. Он посмотрел главарю в глаза — спокойно, без вызова, без страха. Как смотрят на деталь, которую нужно заменить, но руки пока заняты.

— Вы берёте всё. Я разворачиваю автомат и ухожу. Договорились?

Главарь почти кивнул — и в этот момент Валентин щёлкнул зажигалкой. Он бросил её вниз, себе под ноги, на край бензиновой лужи. А автомат бросил главарю. Пламя вспыхнуло мгновенно, оранжево-синей вспышкой, которая побежала по асфальту быстрее, чем кто-либо из них успел понять, что произошло.

— Какого х...

Огонь достиг ботинок того, что с ножом, в первую очередь — он стоял ближе всех к автобусу. Штаны вспыхнули с тихим хлопком, как бумага. Он закричал — не от боли, а от ужаса, который предшествует боли, — и начал бить по ногам руками, только подливая масла.

Второй — с арматурой — отшатнулся, но лужа была шире, чем он мог преодолеть этим движением. Бензин пропитал подошвы, и когда огонь дотянулся, он заорал и бросился в сторону, прямо к горящему частному сектору, туда, где и без того полыхало.

Главарь не закричал. Он отпрыгнул назад — быстро, звериным прыжком, — но капли горящего бензина, стрелявшие с ботинок первого, попали на куртку, и она занялась почти бесшумно. Он сорвал её одним движением, остался в тёмной майке, глядя на Валентина с чем-то, что было не злостью, а недоумением: как так вышло, что добыча оказалась хищником.

Потом пламя дошло до бензобака.

Валентин не видел момента взрыва — он развернулся, схватив вещмешки левой рукой, и побежал в ту же секунду, как бросил зажигалку. Но он услышал: сперва — тяжкий, басовитый «бум», от которого заложило уши, а асфальт содрогнулся, следом — металлический лязг и визг рвущейся обшивки, затем — ещё один, тише, и треск огня, который нашёл новую пищу.

Осколок достал Валентина на восьмом шаге. Не пуля, не шрапнель — рваный кусок обшивки автобуса, алюминиевый, с острым краем, размером с ладонь. Он вошёл в левый бок, ниже рёбер, как тупой нож в тесто. Боль появилась не сразу — сперва толчок, как от удара кувалдой, следом — что-то мокрое, и только через два шага мозг расшифровал сигнал: пробит. Рана. Кровотечение.

Второй осколок — поменьше, железный, рваный — чиркнул по правому предплечью, вскрывая куртку и кожу. Неглубоко, но кровь хлынула сразу, тёмной пульсирующей волной.

Валентин не остановился. Не оглянулся. Он бежал, в боку горело, рука пульсировала, и груз стал в разы тяжелее.

За спиной — крики. Один — длинный, переходящий в булькающий. Второй — отдаляющийся, захлёбывающийся. Третьего не было слышно.

«Значит, жив», — подумал Валентин о главаре. Продолжая идти к своим.

Адреналин — кредит, который тело выдаёт без процентов на три минуты, а потом требует возврата с комиссией.

Первые шаги после взрыва — лёгкие. Валентин перекинул оба вещмешка на левое плечо, стиснув зубы от рвущей боли в боку. Правую руку прижал к корпусу, зажимая порез ладонью — кровь была горячей и скользкой, куртка набухала. Он не смотрел на рану. Смотреть — значит терять секунды на панику, паника — трата времени, времени которого у них оставалось мало.

Сто метров до дома. Бок горел уже не тупо, а остро, конкретно, как будто осколок всё ещё сидел внутри и нагревался с каждой секундой. Рукав правой руки насквозь промок, кровь капала с кончиков пальцев, оставляя на асфальте тёмные точки. Левая рука держала ремни обоих вещмешков мёртвой хваткой — разжать — значит потерять груз, а груз — это жизнь его семьи.

«Аптечки. В левом кармане», — мысль пришла не как озарение, а как строчка из техдокументации: чёткая, пронумерованная, без эмоций.

Он перешёл на шаг. Не остановился — а именно перешёл на быстрый шаг, чтобы руки могли работать. Пальцы правой, раненой, но ещё слушающейся руки нырнули в левый нагрудный карман куртки. Оранжевый пластик, потёртый, с советской звёздочкой. АИ-2. Он раскрыл футляр одной рукой, зубами вскрыл упаковку. Внутри — пеналы, блистеры, и в первом гнезде — шприц-тюбик с бесцветным колпачком. Промедол.

Зубами сорвал колпачок. Прижал шприц-тюбик к левому бедру, чуть выше колена, прямо через джинсы, и нажал. Игла вошла с тихим, едва заметным щелчком. Укол.

Вынул. Шприц-тюбик полетел в сторону, в придорожную пыль, которая уже становилась серой от пепла.

Боль не ушла. Но отступила на шаг, как собака, которой показали палку. Он знал, что скоро она отойдёт дальше.

Валентин нашёл ритм — короткий, частый, экономичный: не размашистый бег, а семенящий, при котором корпус меньше сотрясается. Шаг, выдох, шаг, выдох. Боль стала фоном, как гул трансформаторной будки, к которой привыкаешь через минуту.

Пятьдесят метров. Жар бил в правую щёку, и Валентин отвернулся, прикрывая лицо, — чувство, будто ресницы скручиваются от жара. Дым ел глаза. Он дышал через ткань куртки, прижатую к носу правой, раненой рукой. Левая держала ремни вещмешков.

Подошвы грохотали по асфальту, и каждый удар отдавался в боку, в плече, в челюсти. Валентин чувствовал, как куртка на левом боку намокает — не от пота. Тёплое, липкое, текущее вниз, к поясу. Он не смотрел. Позже. Сейчас — семья.

Правая рука онемела до запястья. Кровь пропитала рукав и капала на бегу, разбиваясь о пыль. Валентин перехватил рукав куртки зубами, закрутил ткань на предплечье — импровизированный жгут. Не идеально, но давление чуть ослабило поток.

Он увидел дом.

Кирпичный, трёхэтажный, в конце улицы — тёмный, молчаливый, с выбитыми стёклами верхних окон. Ремонтные леса на фасаде покосились, но стены стояли ровно. Полметра кирпича. Дом обещал защиту. Валентин услышал. Не крик, не голос — шаги. Тихие, быстрые, из-за угла дома.

Лера выбежала из-за угла, держа зайца за уши. Она бежала к нему — не улыбаясь, не плача, с лицом, на котором читался только страх — и этот страх был не за неё.

— Папа! — крикнула она. — Папа, ты ранен!

Валентин посмотрел вниз, на бок. Куртка была тёмной от крови.

Он упал на одно колено. Вещмешки соскользнули с плеча, ударились о землю с глухим тяжёлым стуком. Левая рука — единственная, которая ещё слушалась — подхватила Леру, прижала к себе. Лера вцепилась в его куртку, и Валентин почувствовал, как она вздрогнула всем телом, как будто прикоснулась к оголённому проводу.

— Ты ранен, — прошептала она не вопросом, а фактом. — Здесь. И здесь. — Её маленькая ладонь легла ему на бок, потом на предплечье — и Валентин понял по её лицу: она уже всё знает.

— Царапина, — сказал Валентин. Голос был хриплым, и он не смог его выровнять.

— Нет, — сказала Лера. — Не царапина.

Из-за угла дома показалась Наталья. Она бежала, прижимая к себе рюкзак, а за ней — Вика, с бледным, собранным лицом.

Наталья увидела кровь — и на секунду остановилась. Подбежала, сбросив рюкзак, упала рядом с ним на колени, и её руки — руки, которые качали колыбель и нарезали хлеб, — стали руками полевого хирурга: расстегнула куртку, оценила рану одним взглядом, прижала ладонь к боку.

— Вика, аптечка! Из рюкзака, карман боковой, бинт, антисептик, быстро!

Вика уже стояла рядом, протягивая бинт и флакон. Руки у неё не дрожали. Лицо — белое, но руки — твёрдые.

— Вика, — сказал он. — Сколько у нас времени до осадков?

Вика посмотрела на часы. Она считала в уме — быстро, привычно, как таблицу умножения.

— Минут пятьдесят.

Валентин кивнул: — Хватит, чтобы забаррикадироваться как надо. Не на скорую руку, а по-настоящему.

Он поднялся, медленно, опираясь на свою жену. Бок потянуло, но терпимо.

Они собрали весь груз, который чуть не стоил им жизней, и дошли до дома-укрытия.

Спустившись в подвал, Наталья начала перевязывать раны Валентина. Закончив, выложила все аптечки из карманов его куртки. Три штуки АИ-4 и две штуки АИ-2. Быстро прочитала инструкцию, разложила препараты на четыре дозы и проследила, чтобы все приняли.

Валентин зажёг тактический фонарь. Луч ударил в стену: серый бетон, гладкий, без трещин. Пятьдесят сантиметров монолитного железобетона. Это была их главная защита. Каждые семь сантиметров бетона гасили половину гамма-квантов, и до них доходило то, что уже не убьёт. Но главное было — не пустить внутрь то, что летит по воздуху.

Валентин провёл лучом по стенам, вдоль одной стены лежали листы фанеры. Он с Натальей прошёл по всем остальным комнатам. Одна комната была заперта навесным замком. Для Валентина это сейчас могло стать проблемой.

— Наташа, нужна твоя помощь. Нам нужно сорвать этот замок.

Опираясь здоровой рукой о стену, Валентин взял фомку, вставил в дужку замка, и вдвоём с Натальей сдернули его. Бок отозвался на рывок тупым ударом, но он стиснул зубы и толкнул дверь. Там оказалась кладовка строителей. Инструмент, генератор, цемент, штукатурные смеси, несколько мешков гашеной извести, рулон гидроизоляции, несколько упаковок утеплителя, даже половина мешка угля для мангала. А на самой верхней полке — старый магнитофон Philips AZ2045. Валентин выдохнул. Из такой кучи хлама и инструментов они сделают подвал герметичнее подводной лодки. Подвал был отличный: перегородки из пеноблока, монолитная плита перекрытия, почти готовый санузел, электрощиток. Новый дом 2015 года, построенный на совесть. Но из этой совести торчало несколько дыр, через которые могла прийти смерть.

— Слушайте внимательно, — сказал он, и голос снова стал инструкцией. — Пыль проникает везде. Любая щель, любой зазор, любая трещина — это заражение. Нам нужно заделать всё: две двери (уличную и ту, что ведёт в дом), три вентканала, фановую трубу, вводы коммуникаций. Семь точек. Наташа — ты собираешь всё, что найдёшь: плёнка, мешки, брезент. Вика — вода. Все ёмкости заполнить, пока водопровод ещё работает. Неизвестно, когда отключится.

— А я? — спросила Лера. Она сидела в углу, обняв зайца, и смотрела на отца снизу вверх.

— Ты — слушаешь, — сказал Валентин. — Если почувствуешь что-то — говори. Любой звук, любой запах, любое изменение. Ты наш прибор.

Лера кивнула. Она сидела тихо, обняв зайца, и её взгляд был направлен не на отца, не на мать, а куда-то в стену, сквозь неё, как будто видела то, что кирпич заслонял от остальных.

Бок ныл, но промедол держал.

Вика наполняла ёмкости: кран с водой был проведён временной трубой в подвал, и кран ещё работал, но давление падало. Она наполнила три найденных ведра, две пятилитровые бутылки из-под воды, кастрюлю, которую нашла в подсобке, и пластиковый чан, который строители собирались использовать для замешивания штукатурного раствора.

Они работали минут двадцать. Валентин и Наталья уже затянули вентиляционные трубы целлофаном в три слоя, заделали вытяжку, приложили целлофан к стене, обклеили скотчем и

прибили по кругу рейками газовым монтажным пистолетом. Только Валентин собрался проверить вентиляционную трубу, когда Лера встала.

Она не вскрикнула, не побледнела — просто встала, очень медленно, и повернулась к стене, которая выходила на улицу. Лера обняла своего зайца и сжала его крепко-крепко.

— Папа, — сказала она.— Стой.

Валентин обернулся.

— Что?

— Очень жжётся, повсюду, горячо, очень горячо.

Валентин посмотрел на Наталью. Наталья смотрела на Леру. Вика замерла с ведром.

— Они идут, — сказала Лера.

Валентин бросил монтажный пистолет.

Он метнулся к двери. Засов, тяжёлый, чугунный, толкнул вниз. Дверь не была до конца загерметизирована, но времени не осталось.

— К стене, — скомандовал он. — К внутренней стене. Не к двери. К дальней стене. Сейчас. Вика, Лера, Наташа — садимся в круг, держитесь друг за друга.

Наталья прижала к себе обеих дочерей, усадила их у внутренней стены. Вика обхватила Леру, прижала голову к плечу. Наталья накрыла их курткой, собой, всем, что было. Валентин, расправившись с дверью за секунды, подбежал к семье и обнял всех, словно у него появились огромные крылья.

И тут пришёл звук.

Не издалека, как первый взрыв. Сразу. Откуда-то сверху, с неба, — вой, который не был воем сирены, а был воем воздуха, который разрывал на части. Высокий, нарастающий, как сирена, но в тысячу раз громче, и в нём не было ритма — только нарастание, бесконечное нарастание, которое давило на уши и на грудь, и казалось, что воздух стал твёрдым.

И удар. Бах.

Стены содрогнулись. Потолок дрогнул, и с него посыпалась пыль — мелкая, серая, как мука. Стальные балки загудели низким, басовитым гулом, как струны гигантской гитары. Пол качнулся — не сильно, но ощутимо, как палуба под ногами. Луч фонаря, лежащего рядом с семьёй, сжавшейся в единый монолит, судорожно заморгал и погас.

Валентин прижался к стене. Бок взвыл с такой силой, что в глазах засверкали вспышки. Он чувствовал, как здание принимает удар, как кирпич гасит его. Здание работало. Инженер, который его строил, думал не о красоте — о том, чтобы было надёжно.

Потом — ещё удар. Тише, но длиннее. Не хлопок, а гул — тяжёлый, раскатистый, как будто небо било огромной кувалдой по наковальне. И ещё — дальше, глуше. И ещё. И ещё.

Лера не стонала. Она вздрагивала при каждом взрыве, словно иголки впивались в её кожу.

— Это ядерные? — прошептала Вика. Голос был чужим, тонким, как у девочки, которая задаёт вопрос, на который не хочет получить ответ. — Ещё бомбы? Они бросают ещё?

Валентин молчал. Он не знал. Он не мог это объяснить, но мозг уже сопоставлял: первый взрыв, пауза, потом ударная волна. Эти — удар, удар, удар. Он не знал, ядерные это или нет, и это его пугало больше, чем сами взрывы.

— Не знаю, — сказал он наконец. Честно. Без анализа, без формулы. Просто — не знаю.

Взрывы стихли. Не сразу — последний, самый далёкий, прокатился гулом и растворился в тишине. Потом — ничего. Только пыль, оседающая в луче фонаря, который снова загорелся после прихода тишины. Как снег в фонарном свете. И стук — тихий, мелкий, непрерывный — наверное, осадки на крыше.

Лера подняла голову. Лицо было серым, под глазами — тени, как синяки. Но глаза блеснули жёлтым, золотым, и зрачок на секунду судорожно дёрнулся, сузившись, как кошачий.

— Прошли, — сказала она. — Пока прошли. Но воздух снаружи… плохой. Очень плохой. Горячий. Жжётся, как тогда, но сильнее.

Валентин кивнул. Он, пошатываясь, подошёл к двери, проверил — держит. Засов не сорвало, петли не выгнуло. Щели — не расширились. Он медленно, еле-еле, опираясь на стены, обошёл подвал, проверяя стены, потолок, стыки. Всё — на месте. Трещин не появилось.

Он пошёл к жене и детям. Наталья сидела у стены на деревянном поддоне, накрытом остатками целлофана и брезента. Вика — с одной стороны, прижавшись к маме. Лера — на коленях у матери, свернувшись клубком с другой стороны.

Тишина. Только стук осадков. Только дыхание четверых. Только тепло друг друга в подвале, который держал.

Валентин хотел сказать хоть слово, хоть что-то, чтобы дать понять, что всё закончилось, что всё под контролем, но язык стал чужим и непослушным. Мир сузился до узкой полоски света между веками, она становилась всё тоньше, будто реальность сжимала его в тесном кулаке. А потом эта полоска лопнула, и его потянуло вниз, в тёмную, густую пустоту — тяжёлую, как остывающий гудрон, липкую, не дающую ни вдохнуть, ни вырваться. Он ещё чувствовал, как чьи-то руки хватают его, не дают упасть, слышал, как Вика кричит «Папа!», а Лера шепчет «Папа, не уходи!», — но звуки таяли, растворяясь в этой вязкой тьме. И наконец наступила тишина — ровная, глухая, будто сама пустота закрыла ему уши и глаза своими плотными огромными ладонями.

Глава 3

Глава 3

Сознание возвращалось тяжёлым, вязким подъёмом со дна колодца.

Первым делом Валентин почувствовал тяжесть на левом боку. Вторым — запах сырой пыли и медицинских бинтов.

Боль была тупой, пульсирующей, но терпимой.

Свет от последнего уцелевшего телефона падал на лицо Натальи. Она спала, привалившись спиной к кирпичам, сжимая в руке телефон.

Валентин пошевелился, попытался сесть.

Рядом тут же шевельнулась тень.

— Тише, пап, — голос Вики звучал непривычно, жутким шёпотом. — Ты потерял много крови, устал до предела и принял Промедол — неудивительно, что ты просто вырубился.

Она присела рядом, протягивая ему бутылку с чуть подслащённой тёплой водой.

— Пей не спеша.

Лера поднялась с колен матери и улыбнулась, увидев в тусклом свете телефонного фонарика, что папа пришёл в себя.

Валентин сделал глоток. По горлу прошла волна тепла.

Он оглядел подвал. Семья выглядела призраками: лица серые от цементной пыли, волосы взъерошены. Но они были живы.

Стены держали.

— Сколько же я проспал? — прохрипел он.

— Шестнадцать часов, — ответила Вика без запинки.

Она больше не плакала по пропущенному сериалу. Из её глаз исчезла подростковая обида, осталась только пугающая взрослая сосредоточенность.

— После того как ты отключился, всё стихло. Сначала сирены, потом гул моторов, потом тяжёлые удары где-то вдали — раз, другой. Потом стук сверху — осадки кончились. И наступила тишина. Идеальная, мёртвая. Как будто мы остались одни во всём мире.

Вика достала из кармана рулетку. Обычную жёлтую строительную.

— Я сходила с ума от ожидания, пап, и мерила подвал. Чтобы мозг работал, — Вика говорила тихо и быстро, боясь, что если остановится, не успеет рассказать. — Двенадцать на двенадцать, высота два восемьдесят. Четыреста три кубометра. Минус стены, материалы, мебель — эффективный объём, возьмём с запасом. Триста.

Валентин моргнул.

Потолок плыл.

Цифры повисли где-то над ним, прозрачные, как дым, и исчезали, как сон, который пытаешься вспомнить, но он медленно уплывает из памяти, всё дальше и дальше.

— Нас четверо. Мы дышим — и воздух кончается, нам его хватит на семьдесят два часа.

— Но не это самое страшное, папа. Углекислый газ. Мы его выдыхаем, и он накапливается.

Она сглотнула.

— Полтора кубометра в сутки. Я считала. Если мы будем лежать и почти не двигаться, до действительно опасной концентрации может пройти несколько дней. Но первые признаки начнутся раньше.

Валентин смотрел на неё. Дочь. Двенадцать лет. Считает дни до их смерти.

Вика вдруг шагнула ближе и схватила его за руку, пальцы у неё были ледяные.

— Папа, это до смерти. Но ясно думать мы сможем совсем недолго. Уже сейчас в воздухе поднимается уровень углекислого газа.

— Через восемь часов воздух станет заметно тяжёлым. Голова будет болеть, мысли станут вязкими. А к третьим суткам — то, о чём я сказала. Снаружи радиация, внутри скоро нечем будет дышать.

Её глаза заблестели — она была в шаге от слёз.

— Мы перестанем понимать простые вещи.

Она замолчала, боясь произнести самое страшное, но всё-таки вытолкнула из себя:

— А через двое суток мы даже не вспомним, зачем надо что-то делать. Мы просто захотим лечь, уснуть и не проснуться.

Она сжала его руку крепче, голос дрогнул:

— У нас есть около восьми часов, папа. Мы должны что-то придумать. Если мы ничего не придумаем сейчас, мы уже не придумаем никогда.

Валентин закрыл глаза.

В голове гудело.

Восемь часов.

Не недель. Не дней.

Часы.

— Доченька, я понял, — хрипло сказал он.

Хотя понимал пока только одно: дочь стоит перед ним и держится из последних сил.

— Я понял. Мы что-нибудь придумаем.

— Знаешь, что самое странное? — тихо продолжила Вика. — Я помню всё. Не то, что учила для олимпиад, а вообще всё. Текст книги, которую мама читала нам вслух месяц назад, слово в слово. Номер телефона твоей старой бригады, хотя ты его удалил. Формулу сопротивления бетона на сжатие из справочника восьмидесятого года, который лежит в твоём шкафу.

— Мозг стал работать иначе. Словно кто-то разогнал процессор, но забыл поставить охлаждение. Мне иногда больно думать.

Лера повернулась к отцу.

Её тёмные глаза вспыхнули в темноте жёлтым кошачьим блеском.

— Воздух на улице всё ещё колючий, — сказала она шёпотом. — Он царапается. Даже сквозь стену.

— Радиация? — подумал Валентин.

Первые сутки выходить нельзя. Категорически.

Валентин оттолкнулся здоровой рукой от пола.

Мир качнулся и пошёл чёрными пятнами. Он стиснул зубы, переждал вспышку боли и всё-таки встал.

Наталья тут же оказалась рядом, подставляя плечо.

— Куда собрался? — спросила она, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

— Работать, — отрезал он. — Если будем бездельничать — задохнёмся.

Валентин тяжело опёрся о стену.

Бок тянуло. Правая рука, как отбитая тяжёлой кувалдой. Порез на предплечье оказался не слишком глубоким, мышцы были повреждены, но кости остались целы.

— Фонарь экономь, — бросила Наталья Вике.

Та послушно выключила свет, погрузив их в абсолютный мрак.

Валентин зажёг фонарь. Узкий луч ударил в стену.

Он проводил лучом по всему помещению. С трудом передвигаясь, прошёл ещё раз по всем комнатам, разглядывая подвальный хлам, который должен спасти им жизнь.

В дальней комнате подвала, где строители складывали остатки строительного материала перед началом чистовой отделки, лежали куча досок, мешки с сухой смесью, обрезки пластиковых труб вентиляции, рулон гидроизоляции и утеплителя.

— Нам нужен приток кислорода, — сказал Валентин, направляясь к углу.

Он нагнулся, чтобы поднять доску и отложить её в сторону, но бок напомнил о себе, пронзив резкой ослепляющей болью.

«Боже, как больно», — подумал Валентин. Но быстро взял себя в руки.

— У нас совсем нет времени. Я не могу подвести семью.

Генератор. Тепло. Возможность заряжать фонари — Валентин перечислял ресурсы про себя.

Но инженерский мозг тут же нарисовал схему смерти. Включить генератор в закрытом помещении — самоубийство. Угарный газ убьёт нас за полчаса.

— Три вытяжки, — пробормотал Валентин, водя лучом по потолку. — Одна в ближней комнате — стандартная пластиковая труба, уходящая в перекрытие. Вторая — в дальней. И третья в санузле. Все заделаны при герметизации.

Валентин встал перед вытяжкой. Мысли путались.

— Наташа. Мешки. Плотные. Там ещё мешок с углём для мангала стоит, его тоже.

— Вика. Пятилитровка. Хомуты. Проволока. Что найдёшь. Сделаем фильтр.

Вика ответила не задумываясь:

— Папа, пропускная способность фильтра будет очень мала.

Валентин задумался на секунду.

— Да, — согласился он, быстро нарисовав в голове чертёж. — И, более того, мы не сможем его подсоединить, не запустив радиацию. Как только мы снимем заглушку, поток воздуха вместе с радиоактивной пылью хлынет к нам в помещение. Значит, надо думать. Какие ещё есть варианты?

Валентин выпрямился, насколько позволял бок.

— Нам не нужно открывать приток. Нам нужно продержаться на том воздухе, что есть.

Вика моргнула.

— Не открывать?

— Нет. Открыть приток — значит впустить воздух снаружи. Даже с фильтром. Фильтр из подручных материалов не задержит всё. Стекловата и уголь — это механический фильтр, он ловит аэрозольную пыль, но не гарантирует сто процентов. При высоком уровне загрязнения мы получим дозу. Мы не высовываемся. Ждём.

— Тогда углекислый газ — это главная угроза, — Вика заговорила быстрее, боясь потерять мысль. — Не радиация. Воздух у нас есть. Уменьшить выделение.

— Уменьшить выделение углекислого газа — минимизировать активность. Лежать. Не разговаривать и не двигаться лишний раз, — Валентин загибал пальцы на неповреждённой руке. — Но это пассивная мера, — добавил он.

— Нужно убрать углекислый газ из уравнения, — пробормотала Вика себе под нос. Но Валентин её услышал.

— Викуля, ты гений! — воскликнул Валентин и подорвался к Вике, чтобы обнять её. Но рана в боку напомнила ему, что так делать не надо. Он тихо подошёл и поцеловал её в макушку.

Валентин посветил лучом на дверной проём дальней комнаты, где были стройматериалы.

— Наташа, я видел там два мешка гашёной извести!

Наталья подошла, наклонилась, прочитала.

— «Цемент М500». «Штукатурная смесь». Ага, вот этот, известь гашёная. Для отделочных работ. Два мешка по десять кило.

— Гашёная известь. $Ca(OH)_2$. Она реагирует с углекислым газом. Образует карбонат кальция и воду. Это химическое удаление углекислого газа. Один килограмм извести может поглотить примерно ноль целых три десятых кубометра углекислого газа.

Вика схватила карандаш.

— Двадцать кило — шесть кубометров. Это почти четверо суток для четверых.

— Именно, — Валентин кивнул. — Нужно разложить на большой площади. На кусках фанеры, расстеленных на полу. Тонким слоем — максимум поверхности, максимум реакции. И поставить вентилятор, чтобы воздух циркулировал над известью. Вентилятор я снял в санузле с вытяжки перед герметизацией. Наташа, принеси из кладовки строителей шуруповёрт в жёлтом кейсе. Он стоит сбоку от стеллажа.

Наталья принесла жёлтый кейс DeWalt.

— Вот там за кейсом стоял ещё аккумулятор, я так думаю, это от него, — сказала чуть шёпотом Наталья.

Валентин взял аккумулятор в руку, оглядел его.

— Да, это от него. Строители молодцы, не жалели денег на инструмент, — Валентин прочитал на этикетке. — Пять ампер-часов.

Он открыл кейс: полный набор. Шуруповёрт и два аккумулятора по два ампер-часа.

— С лёгким вентилятором примерно ампер тратит. Если крутить по десять минут каждый час, то-о-о...

— То, — перехватила Вика. — Это на двух из кейса — почти сутки. — Её взгляд скользнул к запасному. — А это пять ампер-часов — с запасом, двадцать девять циклов. В общей сложности, если крутить по десять минут, почти на пятьдесят два часа.

Валентин скомандовал:

— Отлично, расчёты и теория понятны, приступим к практике.

Наталья и Вика надели перчатки, противогазы и плащи от ОЗК и взялись за известь.

Они высыпали содержимое на четыре листа фанеры, расставленные в проходе между комнатами — там, где воздух циркулировал лучше всего, — и разровняли тонким слоем.

Слегка увлажнили из пульверизатора, собранного из пластиковой бутылки и иголки от шприца, который Наталья нашла в аптечке.

Лера стояла рядом с Валентином у дальней комнаты и смотрела, как белый порошок ложится на фанеру. Её тёмные глаза блестели в свете фонаря.

— Мам, а это правда поможет? — спросила она тихо.

— Да, это поможет, — ответила Наталья.

Пока Наталья и Вика рассыпали известь, Валентин быстро просверлил в центре вентилятора отверстие, взял болт, вставил его в просверленное отверстие, затянул гайкой, закрепил его в патроне шуруповёрта и установил инструмент так, чтобы сам шуруповёрт вращал лопасти.

Проверил.

Воздух пошёл по убежищу.

— Десять минут. Потом включаем снова короткими циклами.

Он сел на ведро и смотрел, как его семья работает.

Бок горел, но мысли начали просветляться. Наталья следила за его состоянием, меняла повязку и не давала ему вставать без необходимости.

Он считал.

Воздух: примерно триста эффективных кубометров.

Четыре человека, минимум активности — полтора кубометра углекислого газа в сутки.

Известь: двадцать килограммов, шесть кубометров поглощения. Реакция пойдёт не идеально — не лаборатория, не идеальные условия. Реально свяжут четыре — пять с половиной кубометров за трое суток.

— Генератор, — сказал он.

Вика посмотрела на него.

— Генератор потребляет кислород и выделяет угарный газ. В герметичном помещении это яд. Мы его не включаем.

— Совсем? — спросила Наталья.

— Совсем. Потом, если нужно будет зарядить фонари и приёмник, будем решать отдельно. Но только при безопасном отводе выхлопа. Сейчас не включаем.

Наталья повернулась к нему.

— Валя, тебе нужно лежать.

— Нужно, — согласился он.

Он снова посмотрел на известь и на самодельный вентилятор.

— Но сначала нужно проверить, как это будет работать.

— Пап, — сказала Вика.

Вика подняла на него взгляд.

— Это сработает?

Валентин посмотрел на неё.

— Это должно сработать на семьдесят два часа, — сказал он. — Если известь не подведёт. Если герметизация выдержит. Если мы будем экономить силы.

Из темноты донеслось тихое:

— Мам… Я хочу кушать.

— Пойдём, солнышко, — Наталья взяла дочерей за руки. — У нас есть всё, что нужно.

Они быстро перекусили запасами, которые успели собрать перед эвакуацией.

Валентин выключил фонарь.

Темнота сомкнулась, мягкая и абсолютная.

Вентилятор тихо гудел, гоняя воздух над известью. Где-то в темноте ровно дышала Наталья. Чуть дальше — мелко и часто — Лера.

Вика лежала рядом с ним, и он чувствовал, как она считает.

Не дни.

Не часы.

Каждый вдох.

Он закрыл глаза.

Воздух шёл в лёгкие — спёртый, тёплый, пахнущий известью и пылью.

Живые.

Первые сутки не кончались.

Время перестало двигаться. Оно отмечалось включениями фонаря, глотками воды и запусками шуруповёрта.

Каждые два часа Вика проверяла заклеенные стыки. Подносила к ним тонкую полоску полиэтилена и следила, шевелится ли она от сквозняка.

Наталья проверяла повязку Валентина, давала ему лекарства и следила за температурой.

Кровь остановилась. Края раны не расходились. Температура не поднималась. Лекарства и покой делали своё дело.

Валентин почти не вставал.

Он должен был сохранить силы.

К концу первых суток на поверхности извести появилась белая корка.

Вика включила фонарь, надела перчатки и осторожно разбила её. Под коркой показался рыхлый влажный слой.

— Реакция идёт, — сказала она.

— Хорошо, — ответил Валентин.

Голос у него был слабее, чем раньше, но сознание оставалось ясным.

На вторые сутки шуруповёрт начал работать неровно.

Батарея ещё держала, но обороты падали. Вика заметила это первой. Она выключила инструмент и прислушалась.

— Он садится.

— Тогда сокращаем циклы, — сказал Валентин.

— Если сократим, воздух будет хуже перемешиваться.

— Если не сократим, останемся без шуруповёрта.

Вика посмотрела на него.

Валентин поднял голову.

— Пять минут каждый час, — сказал он. — Известь разбиваем. Очень осторожно.

— А если этого будет мало?

— Тогда будем обмахивать известь картоном.

На сорок девятом часу Валентин включил приёмник старого магнитофона — тот самый, из кладовки строителей.

Питание он взял с батареи шуруповёрта: она выдаёт больше, чем нужно приёмнику, — лишние вольты Валентин погасил лампочкой из времянки, включённой последовательно. По её свечению было видно: ток в норме.

Только на несколько минут.

В динамике шёл треск. Потом из шума проступил мужской голос. Он произнёс несколько слов, назвал цифры и снова исчез.

Вика смогла услышать только две цифры: три и два. Остальные слова нельзя было разобрать.

— Что он сказал? — спросила Наталья.

— Не знаю.

— Может, повторят?

— Может быть, — сказала Наталья.

Валентин выключил приёмник.

Аккумуляторы теперь считались не в амперах, а в часах жизни.

Ни машин.

Ни голосов.

Ни скрежета металла.

На третьи сутки они почти перестали разговаривать.

Воздух стал тяжёлым. После сна болела голова. Движения давались медленно. Мысли иногда возвращались с задержкой.

Известь темнела и сбивалась в комки. Вика несколько раз меняла положение фанеры, чтобы поток воздуха проходил над всеми участками. Последние часы шуруповёрт работал по пять минут, после чего они вручную обмахивали известь кусками картона.

Это было медленно.

Утомительно.

Но система продолжала работать.

Лекарства помогали Валентину восстанавливаться. Наталья не позволяла ему вставать без необходимости, но к концу третьих суток он уже мог свободно передвигаться по подвалу. Бок всё ещё болел, но рука почти прошла.

На семьдесят первом часу Вика включила фонарь.

Луч упал на заклеенную дверь. Полосы скотча потемнели от пыли, пароизоляция местами собралась мелкими складками. За дверью не было слышно ничего.

Она посмотрела на свои олимпиадные часы.

— Пятьдесят две минуты.

Лера лежала рядом с Натальей и смотрела в потолок.

— Воздух больше не царапается, — сказала Лера.

Наталья подняла голову.

— Что?

— Воздух. Он больше не колючий.

Вика проверила стыки, потом подошла к фанере. На поверхности извести образовалась плотная серая корка. Вика осторожно раскрошила её.

Последние минуты тянулись медленно.

Никто не спал.

Наталья держала Валентина за руку. Лера прижималась к её плечу. Вика сидела рядом с дверью и смотрела на стрелки.

Когда прошли последние минуты, часы тихо щёлкнули.

Вика включила фонарь.

— Семьдесят два часа, — сказала она.

Валентин попытался подняться.

Бок потянуло, но теперь было уже терпимо. Наталья хотела подойти, однако он остановил её движением руки.

— Нормально, — сказал он. — Я сам.

Валентин сделал вдох и посмотрел на дверь.

— Сначала подготовимся, — сказал он. — Нужно сделать шлюз, чтобы при выходе к нам не затянуло с улицы пыль и радиацию.

Они быстро соорудили заслон из фанеры и целлофана в прихожей, у лестницы наверх.

— ОЗК, противогазы, перчатки. Открывать будем медленно, — сказал Валентин.

— Я пойду проверю, что там.

Валентин подошёл к двери и взялся за край первого слоя скотча.

За тонким пластиком ждал мир, которого семья не видела трое суток.

Наталья посмотрела на него.

— Ты уверен, что сможешь?

Он снова сделал вдох. В тишине подвала через противогаз это звучало страшно.

— Смогу. Стены выдержали. Теперь нам нужно узнать, что стало снаружи.

Глава 4

Валентин отклеил скотч и убрал целлофан в сторону, ещё раз проверил фильтр противогаза, выдохнул и открыл дверь в новый мир. Он прищурился: после трёх суток в полумраке глаза отвыкли от света, и даже бледный вечерний свет, падавший из пустых проёмов окон, казался ярким. Луч фонаря пробежал по голым стенам коридора, и Валентин осторожно вышел во двор.

Было ощущение, что в первый вечер в укрытии небо и правда било кувалдой по городу.

Машины стояли косо, их раскидало ударной волной. Краска выгорела дочиста, металл у колёсных арок оплыл пузырями. Валентин знал, какая температура так делает, и это пугало больше, чем увиденное. Асфальт был в глубоких выбоинах, по краям виднелись чёрные оплавленные кромки. На стене девятиэтажки темнели следы копоти, а окна зияли чёрной пустотой. Небо было затянуто ржавыми плотными облаками, солнце бледным пятном заходило за крышу обгоревшей девятиэтажки. Слишком чисто. Слишком ровно. Валентин замер, вглядываясь в эту страшную геометрию. Это не было похоже на последствия ядерного удара.

Времени на раздумья не было. Сначала нужно было сделать убежище пригодным для жизни. Он приступил к подготовке: запустил временную фильтрацию воздуха, вывел выхлоп генератора армированным шлангом на улицу. Работа шла быстро, механически: руки знали порядок действий, а в голове мысли всё время возвращались к одному.

Это не ядерные удары, всё обгорело при высоких температурах, разрушения слишком слабые для такого количества ядерных взрывов. Лера подтвердила, что воздух чистый; значит, радиации либо нет, либо она слишком слабая. Но почему?

Когда система была готова, он спустился в укрытие. Все уже ждали. Вика держала сестру за руку. Лера сжимала в объятиях своего зайца, который был изрядно запачкан, но она всё равно не выпускала его. Наташа стояла рядом, стараясь выглядеть спокойной.

— На улице тихо, воздух совсем не колётся… Можно нам выйти? — едва слышно выдохнула Лера.

— Чуть позже, — сказал Валентин и стянул противогаз. — Город зачистили термобарическими снарядами. Слабые разрушения и оплавленные участки дорог, окон, машин. Это высокие температуры до трёх тысяч градусов, которые могут быть только от термобарических снарядов. Я считаю, это не просто так сделано.

— Тогда, возможно, они специально забросали город такими снарядами, — предположила Вика. — Ведь огромная температура подняла потоки раскалённого воздуха вверх, которые отвели радиоактивные осадки в сторону.

— Но для чего? Возможно, чтобы скрыть что-то, связанное с «Эдельгардом»?

— У нас есть укрытие, — произнёс Валентин. — Теперь нам нужно выжить и понять, что происходит. Для этого нужны ресурсы: еда, вода, лекарства. И информация.

— «Касторама» на Вольском тракте, — тут же отозвалась Вика. — Там складская зона, запас товаров, возможно, генераторы, фильтры, аптечки. Может быть, там что-то уцелело.

— Туда и пойдём, — кивнул Валентин. — Но сначала нужно всё подготовить. Зарядить фонари, собрать рюкзаки. Чуть позже включим приёмник, нужно послушать эфир.

Валентин завёл генератор. Тот чихнул и монотонно затарахтел. Свет заполнил всё укрытие.

Пока они собирали вещи и проверяли снаряжение, Лера подскочила, её глаза блеснули золотом, а зрачки дрогнули сузившись. Это уже не в первый раз, и семья понимала: Лера что-то почувствовала.

— Папа, там страх и злость. Много страха. — Лера кивнула в сторону девятиэтажек.

Валентин быстро заглушил генератор, и всё погрузилось в непроглядную тьму. Сквозь тишину пробился звук: ровный, низкий рокот мотора где-то недалеко, во дворах девятиэтажек.

— Слышу, — прошептал он. — Машина.

Валентин быстро надел противогаз и накинул плащ от ОЗК. Пригнувшись почти до самой земли, он перебежал до угла длинного дома, во дворе которого происходило что-то необъяснимое. Потревоженный ещё в первый день бок отзывался тупой болью при каждом рывке. Валентин прижался к шершавой стене, вжавшись в неё так, будто хотел стать частью облупившейся штукатурки. Угол дома давал узкий, но надёжный сектор обзора: ровно столько, чтобы видеть двор, оставаясь невидимым. Он дышал коротко и осторожно, боясь, что его дыхание могут услышать.

Броневик встал поперёк двора. Толстые шины с глубоким протектором были вдавлены в асфальт. На борту виднелась холодная «Э», пронизанная копьём, а под ней шла трафаретная надпись «ОКО», белая, резкая, как пометка на карте.

Из броневика вынырнули четверо. Движения были отточенными, без лишней суеты. Валентин не видел их лиц, только шлемы: цельные, глухие, будто отлитые из куска тёмного материала. Обзорные стёкла переливались тусклыми маслянистыми волнами, скрывая глаза. С обеих сторон масок тянулись два ребристых шланга. Они шли за плечи и уходили к тяжёлым фильтрующим модулям на спине, громоздким, рассчитанным на долгую работу в заражённой среде. Валентин понял: эти люди готовы к худшему. «ОКО» знало, что здесь будет опасно.

Валентин заметил их цель. Из пролома в подвале девятиэтажки, спотыкаясь о бетонные обломки, выбрались трое: мужчина, женщина и подросток. Они двигались медленно, пригибаясь, будто надеясь, что тени скроют их.

Первый боец «ОКО», заметив их, шагнул вперёд и резко взмахнул рукой; второй быстро перегородил им путь, и всё пошло по отработанному сценарию. Мужчина попытался что-то сказать, поднять руки, объяснить, но его не слушали. Короткий хлёсткий удар прикладом в лицо, и он рухнул на асфальт, не успев даже вскрикнуть. Женщина закричала, и тут же второй боец толкнул её к броневику, вдавив дулом автомата между лопаток. Подростка схватили за волосы, поставили на колени, прижали лицом к холодной броне. Он не кричал. Только сжимал кулаки так, что побелели костяшки.

Всё заняло меньше минуты. Ни допроса, ни проверки документов, только грубая механика подчинения. Когда троих затолкали в задний глухой отсек, Валентин на секунду закрыл глаза. Отсек был сделан не для людей. Для задержанных.

Броневик дрогнул, зарычал дизелем и покатился прочь, переваливаясь через обломки. Машина скрылась за углом, оставив после себя только запах гари и пустоту.

Валентин простоял за стеной ещё пять минут. Потом опустил руки, выдохнул и пошёл обратно в укрытие.

Когда он спустился, все ждали. Лера сидела у стены, обхватив своего зайца, Вика сидела, обняв Леру, а Наташа сидела рядом с детьми.

Валентин снтянул противогаз. И Наташа увидела на его бледном лице растерянность.

— Броневик «Эдельгарда», на борту надпись «ОКО». Похоже, это их силовая структура. Бронированный трёхосный фургон, четверо вооруженные, в полной экипировке. Нашли людей в подвале соседней девятиэтажки. Трое: мужчина, женщина и подросток. Задержали жёстко. Закинули в броневик и уехали.

— Как закинули? Просто так, как мешки? — Голос Вики дрогнул. — А что это вообще за «ОКО»?

— Значит, город не пустой, — сказала Наташа. — Они ищут выживших.

— Или зачищают, — добавила Вика.

Валентин сел, положил руки на колени.

— Так, давайте по порядку. Лера чувствует не радиацию: это жар и раскалённая пыль после термобарических ударов. В первый день ей «царапался» воздух, а теперь она говорит, что всё тихо. Вывод?

— Расчёт, — коротко сказала Вика.

— То есть «Эдельгард» закрыл город, — тихо сказала Наташа. — Только для чего такие кардинальные меры?

— Я не знаю. Но они не стали бы зачищать город просто так. Есть то, что они хотят скрыть. И теперь убирают следы. Валентин развёл руками.

— Так, что нам делать? Укрытие есть, воздух фильтруется, генератор можно запускать. Но запасов хватит на два дня, максимум.

— Идёмте в «Касторама», — сказала Вика. — Обычные магазины вычистили ещё в первые сутки, а до большого магазина на краю города в эти три дня вряд ли кто-то доберётся. И «ОКО» будет искать людей ближе к застройке.

— Расстояние?

— Километра полтора, если по прямой, через дачи; нужно будет обойти пруд Зеркальный. По дворам больше.

— Слишком далеко. Нужно сначала разведать, что вокруг, может, получится разжиться едой и водой поблизости, — сказал Валентин. — Выходим на рассвете, когда видимость плохая, а патрули «Эдельгарда» не ждут, что кто-то так рано выйдет из укрытий. Идём медленно, минуя открытые участки.

— Но сначала радио. Если можно поймать хоть что-то.

Валентин запустил генератор. Тот закашлялся и ровно загудел. Стало легче: свет, тепло, возможность зарядить оборудование. Они зарядили фонари, подключили приёмник.

Приёмник скрипел и шипел. Валентин крутил настройку, проходя частоту за частотой. Между станциями шипение и ровный пустой гул. Валентин выключил приёмник.

— Значит, информации не будет. Тогда только своими силами. Спать. Выходим в 6:20.

6:05. Будильник на Pebble Steel — смарт-часах, переживших все испытания, — сработал ровно.

— У нас пятнадцать минут до выхода, — сказал Валентин. — Собираемся.

— Значит, идём все, — сказала Наташа. Она не спрашивала, она утверждала. — Лера — глаза. Вика — голова. Ты — руки. А я… сердце. Мы семья. Мы команда.

Вика молча кивнула, уже что-то прикидывая в своём блокноте. Лера крепче сжала в объятиях своего зайца.

Они вышли перед рассветом. Город лежал в серой дымке. На горизонте начинали светлеть облака. На улице было ещё темно, они двигались вдоль стен, перебегая от подъезда к подъезду. Силуэты домов и препятствий уже начали приобретать очертания от слабого больного рассвета. Первым шёл Валентин, за ним Лера, держась за его ремень, следом Вика, а замыкающей шла Наташа, постоянно оглядываясь.

Магазин, который разграбили ещё в первые сутки, встретил их выломанными дверями и запахом гари. Витрины разбиты, по краям рам стекло оплыло и застыло матовыми наплывами. Металлические кромки дверей повело и обуглило. Здесь уже побывали мародёры, и давно. Они молча пошли дальше по улице Тархова.

На перекрёстке Тархова и проспекта Лебедева-Кумача стоял небольшой продуктовый. Стёкла выбиты, металлическая дверь в сам магазин была приоткрыта. Внутри пахло пылью и гарью. Свет падал только с улицы, и в магазине было темно.

— Стойте здесь, — шепнул Валентин. — Я проверю, что внутри.

Валентин включил фонарик, прикрыл луч рукой и прошёл за прилавок. Полки были пусты, но за массивным обгоревшим холодильником, который привалился к стене, виднелась узкая дверь. Валентин шёпотом позвал всех внутрь. Они с Наташей, навалившись, сдвинули

холодильник. Он поддался без особых усилий, открывая проход в крошечное подсобное помещение.

Внутри было чисто, тут не было огня, — мелькнуло в голове Валентина. На стеллажах, в тени, стояли уцелевшие упаковки с бутилированной водой и ящики с консервами: тушёнка, фасоль, рыбные тефтели.

Они забрали две упаковки воды и ящик консервов: при строгой экономии этого хватит на четыре дня. Перед выходом Валентин и Наташа совместными усилиями вернули тяжёлый холодильник на место, плотно прижав дверь. Снаружи подсобка снова выглядела глухой стеной.

Они вышли на улицу — стало заметно светлее. И семья остановилась.

Там, где была трава, теперь темнели пятна пепла. Оставшиеся деревья стояли обугленными столбами. Дома — обгоревшие коробки с тёмными глазницами. Ни одна деталь не говорила, что мир жив.

Лера вжалась в отца, закрыв лицо своим зайцем и выглядывая из-за него как из укрытия. Вика медленно поворачивала голову, будто искала хоть один живой кусок этого пейзажа — и не находила.

— Девочки, — тихо сказал Валентин. — Идём. Нельзя долго задерживаться.

Он взял Леру за руку. И они выдвинулись.

Обратно они решили возвращаться другим путём. Они пошли дворами, крадучись под окнами домов, перебегая через разбитые детские площадки и заваленные мусором проезды, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза.

Они вышли из-за угла дома, когда Лера резко дёрнула отца за рукав.

— Там, — она кивнула в сторону двора, перекрытого разбитым минивэном. — Там машина. Большая. И… страшная. Там кто-то есть, и они боятся.

Валентин сделал знак рукой. Все остановились и вжались в стену дома.

В двадцати метрах от них, на пятачке между домами, стоял тот же броневик «ОКО», который Валентин видел прошлым вечером. Водительская дверь и дверь десантного отсека были открыты, но рядом никого не было. Сердце Валентина билось так сильно, что вена на виске пульсировала. Вокруг броневика земля была перепахана: россыпи стреляных гильз тускло блестели в пыли, валялись брошенные магазины и два автомата. На асфальте, усыпанном пеплом, темнели огромные лужи крови; они уже начали сворачиваться.

Бойцов «ОКО» нигде не было: ни тел, ни раненых. Крови оказалось слишком много для короткой перестрелки, а на месте боя не осталось ничего, что Валентин мог бы объяснить, — только следы волочения на асфальте: что-то тяжёлое тащили прочь. Судя по всему, конвой накрыли этой ночью. Машина стояла нетронутой, а задержанная семья, похоже, так и осталась в отсеке для пленных.

— Затаились, — одними губами произнёс Валентин. — Лера, что чувствуешь?

Глаза Леры блеснули золотом.

— Там кому-то страшно, — прошептала она.

Если за дверью кто-то и есть, то только они, напуганные пленные. Против них оружие не было нужно, и на брошенные у колёс автоматы он даже не взглянул.

Пригнувшись, он добрался до броневика. Внутри пахло порохом. Он быстро осмотрел кабину и десантный отсек. Две осколочные гранаты, две светошумовые — в рюкзак. Цинк с патронами 5,45 был слишком тяжёл, чтобы тащить весь, но пару пачек на всякий случай Валентин прихватил. Три рации. Компактный дозиметр. Валентин щёлкнул кнопкой, и прибор пискнул, показывая уровень. Фон в норме. Планшет. На экране светилась карта Саратовской области. Валентин быстро пролистал метки: «Объект 14», «Х», «Точка Б»… Ладно, потом разберёмся, — подумал Валентин.

На переднем крыле он заметил след, оставленный окровавленной ладонью.

— Что за чёртовщина тут произошла? Куда делись бойцы? — шёпотом произнёс он.

Сквозь шум ветра Валентин услышал звук из заднего отсека. Он бесшумно подкрался к двери. Прислушался. Опять что-то шевельнулось. Семья. Они целы. Валентин открыл заднюю дверь и не успел сделать даже шага от порога, как её выбили изнутри.

Силуэт метнулся к нему, удар пришёлся точно в бровь. Перед глазами вспыхнуло белым. Валентин потерял равновесие и рухнул на спину. В глазах потемнело. Он рванулся было подняться, тряхнул головой, пытаясь сфокусировать взгляд, и тут же принял второй удар в повреждённый бок. Мужчина вцепился в плечо, заламывая руку за спину, а сверху навалился парень лет пятнадцати, пытаясь перехватить другое запястье. Валентин почувствовал, как трещат суставы, и хрипло выдохнул:

— Свои! Не…

Но им было плевать. Отчаяние делает людей глухими.

— Папа! — вырвалось у Вики.

Из-за угла броневика уже бежала Наташа с арматурой в руках, а следом — Лера. Валентин перестал сопротивляться, позволив телу обмякнуть. Его взгляд встретился с глазами Леры. Дочка не кричала. Она остановилась, вытянув руки вперёд, её пальцы мелко дрожали. Глаза горели золотом, зрачки сузились, как у кошки. Любимый заяц упал ей под ноги, в чёрный пепел .

Воздух над отцом и двумя чужаками задрожал, пошёл маревом, как над раскалённым асфальтом. Валентин почувствовал, как невидимая, но чудовищно тяжёлая ладонь опустилась сверху. Не телекинез. Чистое, концентрированное давление.

Мужчина, державший Валентина, издал странный хрип. Его плечи начали медленно и неотвратимо сминаться внутрь. Он попытался выпрямиться, но колени подкосились, и он рухнул на асфальт, придавленный собственной тяжестью. Парень, сидевший на спине Валентина, попытался отпрыгнуть, но невидимая сила впечатала его в борт броневика. Рёбра затрещали — он сложился пополам, хватая ртом воздух, и плавно сполз вниз, скрючившись на боку.

Валентин, освободившись, тяжело привалился к борту. Ноги дрожали. Глаз заливало густой тёплой кровью, она попала на губы, во рту появился солёный металлический привкус. И тут же у Валентина всплыло воспоминание: в детстве он упал с велосипеда и рассёк ту же бровь. Кровь тогда тоже текла на губы — солёная, тёплая. А боли не было: страх целиком занял её место. Он лежал на спине и боялся только одного — что отец будет ругать его за то, что был так беспечен. Ладонь прижимала раненый бок; под ней намокала горячей липкой кровью повязка. Валентин заставил себя выпрямиться. Наташа замерла с занесённым над головой прутом; Вика подбежала к отцу, пытаясь его удержать.

Лера тяжело дышала, её глаза блестели чистым золотом, а зрачки всё ещё были суженными. По её щекам текли слёзы, оставляя светлые дорожки на грязном лице.

Мать нападавших, та самая женщина, которую бойцы «ОКО» заталкивали в броневик, выпрыгнула из машины. В руках у неё не было оружия. Она просто смотрела на своего скрюченного, хрипящего сына и на мужа, который пытался вдохнуть. В её глазах не было ненависти. Только бесконечный страх.

— Хватит! — крикнула она. — Пожалуйста!

Лера вздрогнула и опустила руки.

Давление исчезло. Мужчина на земле судорожно, со свистом втянул в себя воздух. Подросток закашлялся, пытаясь разогнуться.

Наташа бросила арматуру, подошла к Лере и обняла её.

— Всё хорошо, моё солнышко. Всё закончилось.

Она посмотрела в глаза дочери. Они снова стали тёмно-карими, бездонными.

Женщина всё ещё смотрела на них, не двигаясь. Потом хрипло произнесла:

— Мы… мы думали, вы — они.

Валентин аккуратно, приходя в себя, подошёл к женщине, протянул ей руку, не обращая внимания на кровь, заливающую его лицо.

— Мы не «ОКО», — сказал он хрипло. — Мы тоже прячемся. Нам нужно поговорить.

Глава 5

— Кто вы? Почему они вас задержали? — Валентин смотрел на незнакомцев, стараясь дышать ровно.

Мужчина с трудом поднялся и, пошатываясь, подошёл к сыну. Они оба ещё тяжело дышали. Женщина смотрела на Леру, не сводя с неё глаз.

Наталья взяла дочь за руки и опустилась перед ней на колени.

— Мама, они делали папе больно!

— Я правильно поступила?

Наталья погладила её по голове.

— Ты защитила папу, зайка. Он здесь, с нами. Ты молодец!

Лера прижалась к ней, пряча лицо.

Когда подросток наконец смог выпрямиться, мужчина хрипло заговорил:

— Игорь. Это моя жена Лена и сын Дима. — Он перевёл взгляд на Валентина. — Извини, что мы на тебя набросились. Мы не знали, кто там, снаружи.

— Я видел, как вас задержали вчера вечером. А сегодня нашёл этот же броневик. Двери открыты, вокруг кровь. Только задний отсек заперт. Подумал, вам нужна помощь.

Игорь опустил глаза.

— Нужна была. Спасибо.

Лена отошла от сына на шаг. Её взгляд задержался на залитом кровью лице Валентина, потом снова вернулся к Лере.

Валентин заметил, как Игорь опустил взгляд на лежащий возле колеса автомат.

— Не нужно, — сказал он. — Мы вам не враги.

Игорь замер, затем медленно кивнул.

— Что здесь произошло? Куда делись бойцы? — спросил Валентин.

— Расскажу. Но не здесь. Нужно уходить, пока не вернулись те твари. Или пока «ОКО» не прислало патруль — выяснить, почему группа не выходит на связь.

— Если мы не желаем друг другу зла, нужно собрать барахлишко и двигать отсюда, — сказал Игорь. — Я проверю автомат?

Валентин кивнул, соглашаясь.

Игорь поднял автомат и бросил его сыну. Сам подхватил второй, отвёл затвор, проверил — пустой.

— Чёрт, они расстреляли все патроны. Кому теперь нужен этот кусок железа?

Валентин привалился плечом к броневику, держась за раненый бок.

— В броневике открытый цинк с патронами. Наверное, всё бросили, когда уходили.

— Не ушли, — тихо поправил Игорь. И усмехнулся — криво, сквозь разбитую губу. — Им помогли. — Он кивнул на полосы, которые остались от волочения, на асфальте, покрытом чёрным пеплом.

— И вы ещё шутите? — не выдержала Вика.

— А что мне делать — плакать? — Игорь вытер губы тыльной стороной ладони. — От этого легче не станет.

— Что за счастье нам привалило, — Игорь добродушно улыбнулся, придерживая бок. Кивнул сыну: — Дима, быстро заряди автоматы, забери патроны и всё, что может пригодиться. Потом уходим.

— Что могло утащить четверых бойцов в полной экипировке? — спросил Валентин.

Из броневика выбрался Дима. На плече у него висела сумка с патронами.

— Я всё зарядил, патроны забрал. Там, в бардачке, лежал пистолет, папа! Sig Sauer P226, с удлинённым магазином на двадцать патронов!

— Классно, сын. Давай его отдадим нашему спасителю. И давайте уже двигать отсюда, пока вокруг тихо.

Игорь проверил магазин и протянул Валентину рукоятью вперёд.

— Держи. Пользоваться умеешь?

Валентин взял оружие.

— Думаю, смогу разобраться.

Валентин убрал оружие за пояс.

Игорь на секунду встретился взглядом с Лерой. Та стояла рядом с матерью, прижимая к груди зайца. Он коротко кивнул ей, но девочка не ответила.

Вдруг её пальцы сжались на рукаве Натальи.

— Папа, они приближаются.

Валентин повернулся.

— Кто?

— Злые. Их много.

— Уходим, — сказал он.

До укрытия добрались за двадцать минут. Шли не напрямую — сделали крюк через дворы, обходя открытые участки.

Игорь и Дима поддерживали Валентина под руки. После нескольких шагов Игорь поморщился и перехватил его поудобнее: собственный бок тоже болел. Валентин заметил, но ничего не сказал. Все трое молчали, экономя дыхание.

В подвале Лена сразу обернулась к Наталье:

— Его нужно усадить. У вас есть бинты?

— Вы врач?

— Да.

Наталья показала на аптечки у стены. Игорь с сыном усадили Валентина на стол в комнате строителей.

Лена осторожно сняла пропитавшуюся кровью повязку. Наталья держала фонарь. Вика присела рядом, готовая подать всё необходимое.

— Рана снова кровит. Не двигайтесь.

Валентин закрыл глаза и переждал приступ боли.

Игорь встал у входа. Дима поставил сумку на пол и сел возле него, придерживая ушибленные рёбра.

— Откуда вы знаете про «ОКО»? — спросила Наталья.

Лена на мгновение подняла голову.

— Я работала на «Эдельгард». На Точке Б.

Вика перестала перебирать упаковки с бинтами.

— А я руководил службой безопасности, — сказал Игорь. Помолчал и добавил: — До всего этого.

В подвале стало тихо.

— Почему же вас задержали свои? — спросил Валентин.

Лена взяла бинт.

— Потому что я решила, что людей нужно предупредить.

Игорь смотрел на неё, прислонившись к стене.

— Мы попытались скрыться. Три дня нам это удавалось. Но вчера нас нашли.

Наталья посмотрела Лене в глаза.

— О чём предупредить?

Несколько секунд Лена молчала.

— Началось всё в ночь на тридцать первое августа.

30 августа. 06:00

Будильник сработал как обычно.

Лена полежала несколько секунд, глядя в потолок, потом осторожно выбралась из постели, чтобы не разбудить Игоря. Приняла душ и пошла готовить завтрак.

Игорь проснулся от звука расставляемых тарелок и вошёл на кухню. Запах овсянки с молоком приятно ударил в нос.

— Лена, я сегодня к девяти на работу заскочу — документы нужно забрать и подготовить к понедельнику.

— Хорошо. А я к восьми на сутки, на Точку Б. Сегодня знаковый день: в Саратове и на остальных точках — А, В и Г — должны менять оборудование.

Буровые установки «Эдельгарда» достигли контрольной отметки — пятнадцати тысяч метров. Точка А — возле Миннеаполиса, Точка В — под Белу-Оризонти, Точка Г — возле Аделаиды. Точка Б — здесь, под Саратовом.

Теперь на всех четырёх объектах предстоит заменить оборудование и провести синхронный запуск.

— Завтра по этому поводу банкет. Так неохота идти после суток.

Щёлкнул дверной замок.

— Мама, я вернулся с пробежки.

— Давай, быстро в душ и за стол! Мне через полчаса выходить. Ещё сорок километров ехать.

Спустя пять минут Лена закончила накрывать стол.

— Дима, иди за стол, всё готово.

Сын заглянул на кухню, стягивая с шеи полотенце.

— Мам, мы сегодня хотели к Мишке на дачу. С ночёвкой. Он с родителями будет. Можно?

— С такими вопросами к отцу.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться?

— Да, боец, разрешаю.

И оба рассмеялись.

— Пап, можно к Мишке на дачу сегодня, с ночёвкой? Он там с родителями.

— Да, сын, конечно. Только давай так, чтобы мне потом не было за тебя стыдно.

— Так точно, товарищ командир!

После завтрака Лена собрала сумку и взяла ключи от машины.

— Всё, я поехала. Сначала на работу, потом банкет — так что не теряйте меня. Зато после — три дня дома.

У двери она обернулась к сыну:

— И Дим, первого после школы ничего не планируй. Хотели с папой позвать тебя на набережную. Погуляем, в кафе сходим.

— Мам! — Он закатил глаза, но улыбнулся.

Игорь и Дима вышли проводить её. Лена поцеловала обоих и спустилась к машине.

Посёлок Елшанка. Точка Б

Шлагбаум на въезде открылся автоматически, охранник на проходной поприветствовал Лену. Она кивнула ему в ответ. Проехала в ворота подземной парковки под логотипом «Эдельгард», спустилась на четвёртый ярус, вышла из машины и прошла к лифту.

У лифта уже стояла Светлана.

— Привет. Как настроение?

— Всё бы хорошо, если бы не воскресенье.

Они вошли в кабину.

— Ты сразу на минус седьмой?

— Да.

Света нажала две кнопки: минус пятый и минус седьмой.

— Завтра на банкет идёшь?

— Придётся. Лучше бы домой после суток, но начальству не откажешь.

Света понимающе улыбнулась.

Лифт остановился на минус пятом.

— В девять жду тебя в лаборатории.

Света помахала в ответ рукой и вышла из лифта.

Минус седьмой этаж. Лаборатория

К девяти собрались все десять сотрудников.

Лена коротко изложила план: до полуночи — обычная работа, ночью — монтаж и запуск нового оборудования. И напомнила о технике безопасности: работать в масках, показания снимать только приборами, никаких «на глазок».

На монтаже присутствовали двое специалистов завода-производителя: они подготавливали оборудование и суетливо проверяли документацию.

День прошёл в привычных заботах: замеры, отчёты, анализы проб.

На телефон пришла фотография от Димы. Речка, удочка и его довольная физиономия.

«Нормально отдыхаем, мам!»

Лена улыбнулась и убрала телефон. Последние свободные дни перед школой — пусть гуляет.

К вечеру усталость накопилась, но впереди был монтаж — и поспать не удастся до утра.

31 августа. 00:30

Начался монтаж.

Новое оборудование устанавливали одновременно на всех четырёх точках. По внутренней связи передавали команды, в лаборатории звенели инструменты.

Лена сидела у панели мониторинга и следила за показаниями.

01:30

— Запуск. Все четыре точки. Синхронно, — раздалось в наушниках.

Пальцы пробежали по клавишам. На главном экране четыре индикатора — Миннеаполис, Белу-Оризонти, Аделаида, Саратов — загорелись зелёным один за другим.

— Пошли данные!

На боковых мониторах побежали колонки: «ЭФИРИЙ — концентрация», «ЭФИРИЙ — выход». Лена смотрела на эти строчки каждый раз с чем-то похожим на гордость. Пятнадцать километров под землёй — и оттуда, из глубин, куда человек не добирался никогда, корпорация поднимала то, за что миллиардеры готовы были платить состояния. Эфирий. Основа «Проекта Бессмертие» — препарата, который, по слухам, отодвигал старость. Официально Лена не имела права произносить эти слова вслух даже на объекте.

01:43

Под потолком загорелась красная лампочка; рёв сирены быстро вывел всех из радостного состояния.

На главном экране развернулась карта мира. Четыре зелёных индикатора сменились красными.

Лена подалась к монитору.

Компьютер выдавал одинаковую ошибку на всех четырёх установках. Код в код. Символ в символ.

— Проверьте связь с остальными точками.

— Связь есть. Подтверждают аварию.

Лена встала.

Четыре объекта. Одинаковое оборудование. Одна и та же ошибка.

Рядом с привычными показателями эфирия появилась новая строка:

«БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ — ПРЕВЫШЕНИЕ»

Лена перечитала её.

— Что это за параметр?

Специалисты завода переглянулись. Один отвёл глаза, второй наклонился над планшетом.

— Я спрашиваю, что это?

Ответа не последовало.

02:07

Причину нашли.

На всех четырёх объектах обнаружился одинаковый дефект нового оборудования. Система теряла герметичность. Приборы фиксировали утечку эфирия.

— А и Г — критическое состояние! — доложил инженер хриплым от напряжения голосом. — На Точке А взрыв. На Г — взрыв и масштабная утечка.

Он замолчал, всматриваясь в показания.

— Елена Викторовна…

Лена подошла.

Строка «БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ» продолжала мигать. Значения росли.

— Там поднимается не только эфирий, — сказал инженер. — Я не могу объяснить эти показания.

Лена схватила трубку внутренней связи и доложила руководству.

Она ждала распоряжений по локализации аварии. План действий висел в каждом отсеке, люди знали свои обязанности.

Вместо этого голос в трубке произнёс:

— Немедленно эвакуируйте персонал.

02:10

— Всем наружу! Всё оставить! — Лена прошла между рабочими местами, подгоняя замешкавшихся. — По лестнице! Лифт отключён!

Они выбежали из лаборатории.

На лестнице гул сирены отражался от бетонных стен. Люди поднимались тесной цепочкой, хватаясь за перила. Где-то внизу к сирене примешался другой звук — низкий, вибрирующий. Свет моргнул, включилось аварийное освещение — тусклое, неправильное.

Лена на бегу набрала Свету.

Гудки.

Она прижала телефон к уху, почти ничего не слыша.

Ответа не было.

На следующей площадке позвонила ещё раз.

02:15

На минус третьем здание вздрогнуло.

Лену бросило на перила. Кто-то впереди упал, следом вскрикнула женщина.

Со стен посыпалась штукатурка.

Снизу докатился грохот.

— Установка не выдержала, — голос инженера дал петуха. — Ствол пошёл…

Лена схватила за локоть сотрудницу, которая стояла, вцепившись в перила.

— Дальше! Наверх!

Они помогли подняться упавшему и снова побежали.

Лестница казалась бесконечной.

02:21

Наконец они выбрались наружу.

Ночь была тёплой и до обидного обычной. Над оградой светились звёзды, ветер шевелил траву, где-то стрекотали сверчки.

Внизу, под ногами, что-то гудело — глубоко, ровно.

У ворот стояли корпоративные автобусы. Люди в чёрных комбинезонах пересчитывали эвакуированных и рассаживали их по автобусам. На вопросы никто не отвечал.

Лена оглядела бригаду.

Семеро из её десяти — и ещё двое заводских.

— Пока поднимались, — она обвела людей взглядом, — кто-нибудь видел Свету? Машу? Валеру? Они были на минус пятом. Должны были выйти следом за нами.

Гам стих.

— Мы оттуда вышли раньше, Елена Викторовна, — сказала Марина. — Ещё до сирены. Они оставались работать.

— На лестнице. Кто-нибудь видел их на лестнице?

Молчание. Кто-то покачал головой, кто-то отвёл глаза.

— Они должны были выйти, — повторила Лена. Уже не людям. Себе.

— Может, они в другом автобусе, — предположил кто-то.

— Посадка.

Лена в последний раз набрала Свету. Гудки — один, второй.

Рядом остановился человек в чёрном комбинезоне. Протянул руку ладонью вверх.

— Смартфоны в ящик.

— Мой муж ищет меня, мне нужно…

— В ящик. Позже вам их вернут.

Лена сжала телефон. Подержала секунду — и положила в ящик у водительского сиденья, где уже лежали другие телефоны.

Пока рассаживались, ветер принёс от объекта что-то тонкое, сладковатый аромат — и тут же унёс. Лена не успела понять, чем это пахло.

Когда автобус тронулся, Лена обернулась к объекту.

Над Точкой Б поднималось зарево — тусклое, ржавое, как отблеск на старом металле.

Вольский тракт

Колонна двигалась к городу, но перед въездом в город автобус с бригадой Лены отделился от остальных и свернул к старой птицефабрике.

За сетчатым забором тянулись ржавые корпуса. Поверх старой колючей проволоки блестела новая.

Лена смотрела на фабрику из окна.

Это место подготовили не сегодня.

Автобус остановился.

— На выход.

У дверей уже ждали военные в чёрном тяжёлом снаряжении, с автоматами в руках. На плечах — логотип «Эдельгарда», на груди — три белые буквы: «ОКО».

Цельные шлемы с затемнёнными визорами скрывали лица. От масок за плечи уходили шланги, соединённые с тяжёлыми дыхательными блоками.

Лена узнала корпоративную экипировку для работы в заражённой среде.

Свои.

Только автоматы они держали так, что проходить мимо было страшно.

Сотрудников провели в здание. В конце коридора их встретил седой, среднего роста, крепкий мужчина в чёрной форме. От виска до уголка губ тянулся шрам.

— Нам нужно разобраться в произошедшем и уладить юридические вопросы, — сказал он. — После этого вы сможете вернуться домой.

Их продержали до половины первого.

Вызывали по одному. Спрашивали о показаниях приборов, действиях заводских специалистов, разговорах в лаборатории. Лене пришлось несколько раз повторить, кому и когда она доложила об утечке.

Потом перед ней положили документ о неразглашении. Пятнадцать страниц.

Она читала, строчки расплывались: за спиной были почти сутки работы и десять часов ожидания.

Когда Лена поставила последнюю подпись, женщина в сером подошла забрать бумаги.

— У вас воротник завернулся.

Она поправила его и пригладила ткань на плече.

Лена едва заметила это движение.

У ворот сотрудникам вернули телефоны.

Телефон завибрировал почти сразу. Дима.

— Мам! Наконец-то! Я тебе весь день звоню — трубка молчит!

— Дим… — Лена замялась. — У нас на объекте связь отключали. Процедуры. Ты где?

— Дома. Мы с Мишкой вернулись. Ехали утром с дачи — а на трассе посты. В город всех пускают, а из города — никого! На выезде очередь на километры, люди сигналят, ругаются. Мишкин папа выходил к патрулю спросить, в чём дело. Ему ничего не объяснили и сказали ехать домой. Мишкин отец довёз меня до дома.

— Хорошо, что ты дома. Дождись нас с папой, скоро будем. Пока никуда не уходи.

По дороге домой Лена дозвонилась до мужа.

— Игорь, нам срочно нужно поговорить. Приезжай домой. Пожалуйста, срочно.

Квартира

Лена вернулась на пятнадцать минут раньше Игоря.

Из комнаты доносился голос Димы — он болтал с Мишкой о том, как классно отдохнули на даче. Лене это было на руку: сын не видел её лица.

Лена остановилась у окна.

Щёлкнул замок.

Игорь едва успел закрыть дверь, когда она заговорила:

— Игорь, на Точке Б авария. Они хотят это скрыть. Нужно всех предупредить!

Игорь кинулся к ней, пытаясь закрыть ей рот ладонью. Не успел. Он знал, как это работает. Покачал головой, провёл рукой по её воротнику — он знал, где искать, — и снял с воротника жучок. Молча зашёл в туалет и бросил его в унитаз.

Лена уставилась на него.

Он ничего не объяснил.

Когда Игорь вернулся, выражение его лица заставило Лену отступить к стене.

— Дима! Бегом ко мне!

Сын выбежал из комнаты с недоумевающим взглядом. Он знал: если отец говорит так, то никаких вопросов — безоговорочное исполнение.

— У тебя тридцать секунд на сборы. Форма одежды — номер четыре. Лена, обувайся, ничего с собой не бери.

Она машинально потянулась к сумке.

— Ничего, — повторил Игорь.

Дима не стал задавать вопросов. Пока Лена обувалась, он уже вернулся: спортивный костюм, кроссовки, бейсболка.

Они вышли из квартиры.

Только на улице Лена спросила:

— Куда мы?

— Сначала отойдём от дома.

До стоянки было около пятисот метров. Игорь шёл быстро, но не бежал, сканируя пространство вокруг.

У дальнего ряда машин он достал ключ. Моргнули фары чёрного Ford Focus.

— Что это за машина?

— Садитесь.

Машина

Игорь заговорил, когда они выехали со стоянки.

— Ты подписала документ о неразглашении.

— Да.

— Когда что-то происходит, сотрудников контролируют до окончания разбирательства. Телефоны, разговоры, перемещения.

Лена коснулась воротника.

— Я приехал из центрального офиса. Когда у вас на Точке Б произошла авария, собрали срочный совет: ситуация вышла из-под контроля. На Точке Г… — Игорь замолчал. Потом продолжил: — в офисе был разработан протокол «Купол». Он будет активирован в 17:30.

Он посмотрел на неё, потом снова на дорогу. На секунду замолчал, подбирая слова. Но в голосе всё равно проступала тяжесть.

— Зачистка пройдёт по всем четырём точкам. Радиус — семьдесят километров. Это не изоляция города, Лена. Это ликвидация очага.

Лена сжала пальцы в кулаки.

— Но зачем тогда посты на трассах? Зачем закрывать выезд?

Игорь смотрел прямо на дорогу, не отводя взгляда.

— Из населённых пунктов никого не выпустят. На трассах посты: в город пускают, из города — нет. Чтобы зачистить как можно больше потенциальной угрозы внутри периметра.

— Корпорации нужно время. Они эвакуируют управляющую элиту и вывозят данные из стратегических узлов. Консервация серверов, перенос архивов, упаковка носителей — на это нужны часы. И пока это происходит, никто не должен мешать. Ни гражданские, ни паника, ни попытки прорваться сквозь периметр.

— Понятно, — тихо сказала Лена. — А нас?

Игорь покачал головой.

— Мы должны были ехать в корпоративное убежище. Семьи сотрудников включены в списки. Теперь нас туда не пустят как своих.

— Из-за того, что я сказала?

— Из-за того, что они услышали. Ты собиралась сообщить об аварии посторонним. Они это зафиксировали.

Она отвернулась к окну.

Несколько секунд были слышны только мотор и шорох шин.

— Света, — произнесла Лена.

Игорь чуть повернул голову.

— Она была на минус пятом. Я звонила, когда мы бежали. Дважды.

Он не ответил сразу.

— Игорь?

— С минус пятого никто не вышел, — сказал он. — Когда сработала тревога, двери заблокировались автоматически. Всех, кто остался там, заблокировало внутри. — Он смотрел только на дорогу. — Никто их спасать не будет. Возможно, они заражены.

— Игорь, там Света.

— Знаю.

Лена закрыла лицо руками.

Дима сидел сзади, не двигаясь, слушая и пытаясь осмыслить происходящее.

Машина остановилась на светофоре. Рядом затормозила маршрутка. У открытого окна мужчина ел мороженое, придерживая коленями пакет с продуктами.

Лена смотрела на него между пальцами и не могла понять, как всё это возможно.

— У нас несколько часов, — сказал Игорь.

Лена опустила руки.

— Что это значит?

— По скважине нанесут ядерный удар. Потом — термобарические удары по всей зоне вокруг объекта.

Лена медленно повернулась к нему.

— Там же люди!

— Да.

— Они собираются…

Она не договорила.

— Это запустит цепочку событий, а в итоге всё выдадут за последствия ядерной войны.

Дима подался вперёд.

— Пап…

— Куда мы едем?

— Я сделал небольшой бункер.

Лена вцепилась пальцами в край сиденья.

— Почему не в корпоративное?

— Потому что мы в розыске. Они должны были прибыть к нам домой в течение четырёх минут и задержать нас. И ещё потому, что я больше не верю их убежищам.

Игорь свернул с основной дороги.

— Где твой бункер? — спросила Лена.

— В гараже за Дворцом пионеров.

— Ты готовил укрытие?

— Полковник, который двадцать лет знал, на что способна его контора, не может не быть готов.

Гараж за Дворцом пионеров

В кооператив въехали с задней стороны.

Игорь загнал машину в дальний бокс, закрыл ворота и опустил засов. Потом отодвинул тумбочку в углу.

Под ней оказался люк.

Лена спустилась по узкой лестнице вслед за Димой.

Внизу горела тусклая лампа. Вдоль стен стояли ящики с водой и консервами. На полке лежал дозиметр, рядом — респираторы и два вещмешка, в углу стояла фильтровентиляционная установка.

Игорь спустился последним и закрыл люк.

Затем отошёл к дальней стене — задержался там на несколько секунд. Под одной из панелей открылась дверца вмурованного в стену сейфа. Игорь достал пистолет, проверил магазин и убрал за пояс, под куртку — так, что семья ничего не заметила. Панель вернулась на место.

— Пока устраивайтесь здесь.

Лена села на край небольшого диванчика. Дима опустился рядом.

Минуты через две после половины шестого по городу прокатился затяжной гул — сквозь землю, по предметам, по телу.

Игорь посмотрел на часы.

Лена обняла Диму.

— Скважина. Так они её запечатывают.

Рокот стих.

Лена не отпускала сына.

Игорь прислушался к тишине и добавил:

— Теперь ждём остального.

— А потом? — спросил Дима.

— Потом переждём жар. Проверим воздух и фон. Наверх выйдем не раньше, чем через двадцать четыре часа.

Он говорил ровно, уверенно.

Лена смотрела на его руки.

Правая всё ещё сжимала ключи от машины.

Он не был уверен в этом до конца. Но сказал так, что поверил и сам.

Они просидели ещё около часа. Игорь то и дело замирал, вслушиваясь. Он знал, что должен был услышать, — и не слышал.

— Что-то не так, — сказал он наконец. — Почему не начинается второй этап?

И тут земля вздрогнула.

Удар. Пауза. Удар. Так ритмично, что казалось: по городу, от края к центру, шагает великан. Неспешно. Как строевым шагом.

— Началось, — тихо сказал Игорь.

Он поднялся, подошёл к жене и обнял её — крепко, как обнимают не при встрече, а на прощание. Дима сидел на полу, спиной к стене, и старался выглядеть невозмутимо. Спина прямая, руки на коленях — слишком спокойно. Родители знали: сыну очень страшно. Игорь подошёл и потрепал его по волосам. Дима взглянул ему в глаза — пытаясь доказать, что ему не страшно.

С каждым разрывом земля вздрагивала, и с потолка сыпались пыль и штукатурка, оседая в тусклом свете лампы. В укрытии пахло сыростью, бетоном — и сквозь это, тонко, почти незаметно, сладковатым запахом. Странным, почти домашним. Но в такой обстановке никто не стал искать ему объяснение.

Шум взрывов с каждым разрывом уходил — линия ударов шла цепочкой от окраин к центру.

Игорь смотрел в потолок, будто видел сквозь него небо. Заговорил негромко:

— Там сейчас разворачивается ад. В эпицентре — несколько тысяч градусов. Раскалённые потоки поднимутся вверх и выстроят из себя купол — он оттолкнёт радиоактивное облако в стороны, от города. А по остальной зоне ударят отдельно — выжечь всё, что могло заразиться. Потом «Эдельгард» отправит свои патрули. Зачистка. И сбор материала.

— Какого материала? — спросила Лена.

— Нас. Живого материала.

Лена вздрогнула. Дима поднял голову.

— Пап, а что вообще произошло? — спросил он. — Ты же был на совещании.

Игорь помолчал.

— Авария на четырёх точках, человеческая безалаберность. В три часа нас подняли по тревоге — сбор в центральном штабе, собралась вся верхушка. Пока съезжалось руководство, аналитики уже выкачивали данные со всех четырёх точек. К четырём утра с Аделаиды пошли первые сообщения о мутации.

— Мутации? — переспросил Дима. — Люди мутируют?

— Все, кто был в близком контакте с веществом.

— С каким веществом?

— Их медики, за неделю до замены оборудования, подняли пробы породы вокруг жилы. Литоархерия. Она живёт в породе вокруг эфирия. И, похоже, она его охраняет.

Игорь помолчал.

— Мы не открыли эфирий. Мы разбудили то, что его охраняло.

— Они об этом молчали? — спросила Лена.

— Они это поняли — и промолчали. Решили присвоить открытие себе: тихо, без отчётов наверх. Даже параллельную линию добычи успели развернуть. После аварии вещество оказалось снаружи — и, поскольку на Г добыча шла по их же схеме, выброс вышел сильнее, чем на остальных точках.

— А наши? — тихо спросила Лена. — Наши медики. Они тоже знали?

Игорь посмотрел на неё.

— Нет. Это держали в узком кругу. Ты даже не представляешь, насколько узком.

Лена не ответила.

— К одиннадцати утра был разработан протокол «Купол».

— Почему купол? — спросил Дима.

— Потому что восходящие потоки от жара взрывов встанут над городом стеной. Как купол. — Он помолчал. — Красивое название для похорон.

Дима поднял голову.

— Как сериал, — сказал он тихо. — «Купол Небесный». Премьера же была. Жаль, не посмотрели.

Игорь усмехнулся одним уголком рта и ободряюще похлопал сына по плечу.

За разговорами семья не заметила, как прекратились взрывы.

— Всё закончилось, — сказал Игорь. — Ложимся спать.

Ночь прошла очень тихо, будто снаружи не было ничего, кроме огня. Всё стихло — только едва слышный стук: падал пепел, и шумел догорающий мир.

Игорь разбудил жену и сына:

— Вставайте. Уже утро.

Игорь достал из запасов три банки перловки с тушёнкой, открыл:

— Садитесь завтракать.

— Что нам теперь делать? — спросила Лена.

Игорь облизал вилку, секунду помолчал:

— Мы пойдём через низы Шестого квартала. Нужно выбраться из города. У моего друга есть дача в посёлке Клещёвка. Он матёрый: у него есть запасы и укрытие. Если туда доберёмся, нас там никто не найдёт. Переведём дух и решим, что делать дальше.

Первые сутки они просидели в укрытии. Наутро второго дня Игорь вышел на разведку. Он открыл люк своего убежища: гараж был наполовину разрушен. Одна плита перекрытия лежала на крыше машины, ворота вырвало наружу.

Игорь прошёл по развалинам — и он, боевой офицер, повидавший на своём пути немало, был в холодном шоке от увиденного. С холма, на котором стоял его гараж, открывался вид на весь город. Города больше не было. Обгоревшие скелеты домов испускали предсмертный вздох — чёрным дымом. Вдали виднелся разбитый мост из Саратова в Энгельс. Казалось, не осталось ни одного дома, который бы не горел. Жар держался, но терпеть было можно.

Игорь решил вернуться в укрытие.

— Лена, Дима, в городе пока будет передвигаться сложно. Нам нужно ещё подождать. Завтра утром выдвигаемся.

Вторые сутки прошли без проблем. Утром Игорь собрал два вещмешка с припасами. Он поправил пистолет за поясом. Они надели респираторы и вышли.

Игорь посмотрел на часы — десять. Проверил дозиметр: фон повышен, но не критично.

— Выходим. Осматриваемся и идём вниз по улице Перспективной. Если что-то не так — возвращаемся сюда.

Они вышли. Прошли через разбитые гаражи. Дым от горящих гаражей ложился полосами на их пути.

Они вышли к гипермаркету «Магнит». Он был наполовину разрушен, но с одной стороны был практически цел.

Игорь положил ладони им на плечи — без рывка — и плавно, но с силой опустил обоих за обломки крайнего гаража.

— Тихо. Там кто-то есть.

Они просидели несколько минут. Ни Лена, ни Дима ничего не увидели. Дима заговорил:

— Папа, там никого нет.

Игорь указал пальцем на выбитую дверь. Дима пригляделся — внутри что-то мелькнуло.

— Сидим. Там что-то не так. Может, мародёры. Но, похоже, не только они.

Игорь вытащил из-под куртки пистолет. Лена посмотрела на него удивлённо. Игорь пожал плечами — мол, что такого.

Изнутри донеслись голоса. Двое, может, трое. Обычные мужские голоса — один что-то сказал, второй посмеялся, будто конец света ни при чём.

А потом — разрывающий душу крик. Он оборвался так же резко, как и начался.

Секунда тишины. Бах! Бах! — два выстрела, слившиеся почти в один.

Игорь различил: дуплет. Оба ствола разом.

— Ого, там жарко, раз лупят из обоих стволов, — мелькнуло у него.

Потом закричал второй голос — короче, сдавленнее. Глухой удар. Тишина.

Из дверного проёма выбежал человек — лысый невысокий толстячок с охотничьим ружьём. Он бежал так нелепо, оборачиваясь и махая стволом, будто за ним гнался демон из ночного кошмара.

На ходу он развернулся и выстрелил в сторону магазина — дробь растворилась в пустом дверном проёме.

Следом из проёма показалась она.

Тёмная, красно-бурая, вся из сухожилий и мышц, обтянутых сухой тонкой кожей. Огромная крепкая тварь: руки ниже колен, с когтями длиной с палец. Лысая голова, морда с огромными клыками — слишком большими для рта.

Она выбежала с невероятной скоростью. Два шага — и уже рядом с мужиком.

Он выстрелил ещё раз, почти в упор. Тварь шарахнулась в сторону — раньше выстрела, — и дробь ударила по асфальту в нескольких метрах за её спиной. Прыжок. Тварь с ходу вспорола грудь мужика — тот даже не успел вскрикнуть. Приземлилась со смачным влажным шлепком босых ног и навалилась на него всем телом. Хруст — короткий, звонкий, как ломают куриную кость на кухне.

Мужик захрипел и обмяк.

Тварь схватила его за ногу и потащила в магазин, оставляя за собой кровавый след от добычи.

Дима смотрел остекленевшими глазами. Лена дышала часто, рвано — каждый выдох выходил с дрожью. Игорь смотрел на дверь, не моргая.

— Па-ап… — голос Димы сорвался на середине слова.

— Уходим. Быстро, — шёпотом произнёс Игорь.

Никто не спорил. Они поднялись бесшумно, отходя за руины гаражей, не поворачиваясь спиной к страшному проёму магазина.

— Возвращаемся в укрытие, — шепнул Игорь. — Нужно продумать план.

Когда магазин скрылся из вида, они развернулись и тихо пошли в своё укрытие. В единственном проходе к гаражам стоял броневик бойцов «ОКО» — подъехал, судя по всему, только что.

Игорь нервно сглотнул. В мыслях мелькнуло: выследили? Или просто патрулируют? Почему они не у магазина — они же, скорее всего, слышали выстрелы. Может, не хотят лезть на рожон и решили отстояться, а потом сказать, что ничего не видели.

Игорь искал выход.

Он принял решение:

— Выдвигаемся в Клещёвку, — шепнул он. — Сворачиваем. В укрытие нельзя. Идём по плану: возвращаемся к магазину, обходим его по дуге и спускаемся в низы Шестого квартала. Потом через дачи — в сторону Клещёвки.

Они двинулись. Когда прошли метров сто, откуда-то сбоку выскочила собака и кинулась на Диму.

Игорь на автомате выстрелил в собаку: пуля попала ей в череп, разорвав его на выходе. Собака мешком упала Диме под ноги. Игорь схватил замешкавшуюся семью за плечи и потащил вперёд.

— Бежим к развалинам, прогнитесь.

В ту же секунду с обеих сторон по асфальту полетели искры — патруль, увидев людей, открыл огонь. Мотор взревел, броневик тронулся, вспахивая асфальт под колёсами. Семья скрылась за стеной гаража, перебираясь через глыбы кирпичей, валявшихся на дороге.

— Бежим вглубь гаражей, они тут не проедут.

И действительно: уже через несколько боксов звука мотора не было слышно.

Игорь остановил всех.

— Стойте тут. Я посмотрю, что там дальше.

Игорь вернулся.

— Идём быстро и тихо: впереди открытый участок. Нужно перейти дорогу, дальше нас укроют дома.

Они прошли через дворы и вышли к школе. В школе всё ещё был пожар — из окон вился дым. Они перелезли через забор с задней стороны школы, обошли её и увидели на фасаде обгоревшую вывеску «С НОВЫМ УЧЕБНЫМ 2015 ГОДОМ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.